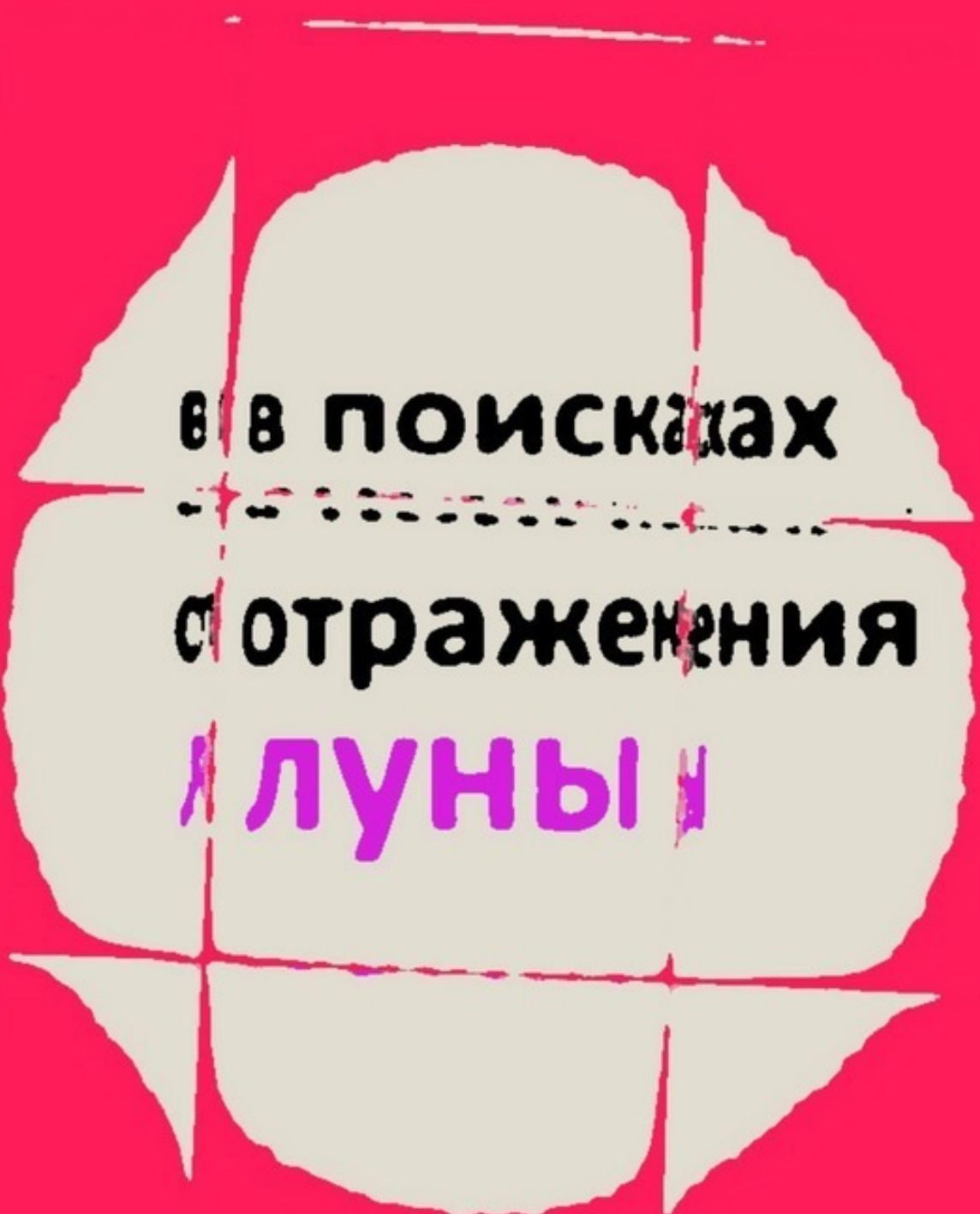

В
И
Т
Э
Л
Ь

Б
А
Г
И
Н
С
К
И
Й

**В ПОИСКАХ
ОТРАЖЕНИЯ
ЛУНЫ**

Витэль Багинский

В поисках отражения луны

«Издательские решения»

Багинский В.

В поисках отражения луны / В. Багинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968639-8

Окружая себя людьми и книгами, они продолжали жить в одиночестве. Получить ответы на вопросы многолетней давности — явилось шансом обрести себя и разорвав замкнутый круг, освободить место для других. Задача главного героя кажется бессмысленной, пока не понимаешь, что вынудившие его обстоятельства заставляют распрощаться со старым. Точно в захламлённой кладовке своих родителей, он наводит порядок в собственной и чужой жизни. Кто они все? Призраки, тени или чьи-то отражения?

ISBN 978-5-44-968639-8

© Багинский В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть первая «он»	7
глава первая: кот, отпуск, бегемот	7
глава вторая: морковный сок со сливками	12
глава третья: маленький Будда	16
глава четвёртая: к чему мне «бегемот»?	22
Глава пятая: «индустрия сна»	34
глава шестая: рассказ о судьбе	39
глава седьмая: письмо от Веры	47
глава восьмая: «рыбки в аквариуме»	51
глава девятая: грани счастья	54
Глава десятая: Фотоальбом	56
глава одиннадцатая: рассказ о судьбе: продолжение	57
Часть вторая «она»	61
Глава первая: Необычные знакомства. На кофейной гуще	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

В поисках отражения луны

Витэль Багинский

© Витэль Багинский, 2019

ISBN 978-5-4496-8639-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Счастье – это осуществление желаний души!

Предисловие

* * *

В палату не заходили со вчерашнего утра. За тридцать шесть часов, лишь заглядывали в дверное окошко. Видно, было каждый раз половину лица и фрагмент ткани медицинской шапочки синего цвета. В ту секунду, когда металлически клацала задвижка, её глаза слегка приоткрывались, и продолжало создаваться впечатление спящего человека. А в окошко на неё смотрел немного вытаращенный, возможно, чуть обезумевший взгляд. Губы, которых не было видно, что-то бормотали (не разборчиво). Лицо снова исчезало, дверца захлопывалась, задвижка опять издавала свой металлический лязг. Слышались шаги уходящего. Она же, крепко сомкнув глаза, продолжала лежать, свернувшись калачом. Её не мучил голод, не испытывала она и жажды. Сейчас её организм берёт силы. А ещё всё это время она не спала, даже дремота не посещала её рассудок. Она лежала и пыталась рассмотреть свои веки и постоянно считала, – так она старалась контролировать утекающее время – секунду за секундой. По её подсчётам прошло тридцать семь часов, их составляют две тысячи двести двадцать минут, а соответственно – сто тридцать три тысячи двести секунд, «...двести одна, ...двести две, ...двести три...»

В то же время она думала, – вспоминала себя, ища в лабиринтах своей памяти, но каждый раз натывалась на мутное отражение, не понимая, кто есть кто. Старалась разглядеть, но только протягивала руку, чтобы убрать муть, как становилось всё ещё хуже. И она понимала, что без чьей-либо помощи ей не разобраться, а значит, эту помощь надо где-то добыть.

Теперь она молилась – взывала к вселенной, – ей также нельзя было потерять ещё и время, поэтому она ловила каждую секунду, укладывая одну за другой в минуты, в часы, бок о бок со словами молитвы.

Мужчина средних лет шёл по узкому коридору психиатрической клиники, хромя на одну ногу. Его грубое тёмно-серое пальто с фактурой в «ёлочку», точно огромный камень, медленно, с трудом поднятый и брошенный, кроило воздух, раз за разом повторяя одно и то же с каждым шагом. Три человека в белых халатах, переглядываясь друг с другом, нервничая, шли рядом с ним. А острый азиатский взгляд мужчины, устремлялся вперёд, не обращая на спутников внимания, делая вид, что не замечает их нервозность.

Какие бы там ни были мотивы преступления, и их последствия, он был намерен, во что бы то не стало забрать свою дочь из этого места. Невзирая ни на какие поставленные диагнозы, он готов был приложить все свои силы, чтобы это изменить...

Часть первая «ОН»

глава первая: кот, отпуск, бегемот

I

В одном из городских скверов одного небольшого городка уже осень. Она его настигла совсем неожиданно, как бывает, когда вдруг на тебя набросили из-за угла покрывало.

Дело всё в том, что с полвека назад этот сквер был засажен чудесными каштанами. Вы когда-нибудь замечали, как «одеваются» на весну эти деревья? Какие прекрасные «свечи» устилают их кроны, превращаясь в салатовые зонтики, вот-вот готовых воспрянуть в полную силу листьев! А обращали внимание, насколько скор этот процесс? Можно наблюдать воочию, как вытягиваются свечи и разворачиваются листья. Дерево на глазах меняет ярко белый наряд на свежий зелёный.

В этот год что-то случилось с нашими каштанами, кто-то сказал мне, что они заболели. Листья недолго держались на ветвях, быстро пожелтели, высохли и осыпались. Убирать их никто не собирался и всё, что упало, покрывало тротуары, зелёные газоны, неухоженные участки земли. И всё бы ничего, но в этом году весь август льют дожди и мокрая листва превратилась в кашу. Обещают прекращение дождей к середине сентября.

Прохладный ветерок пробежал по плачущим аллеям, когда я торопился с работы домой. Мои дырявые – во имя дизайна, сандалии отказались защищать мои ноги от луж. И чем я думал, когда выходил утром на работу, – просто светило солнце, и я понадеялся на милость природы. А дождь в этот день шёл пуще прежнего, – ливень заливал всё беспощадно. Улицы были пусты, лишь кое-где стояли люди под навесами. В кафе, барах и магазинах светились окна, из-за пасмурной погоды их свет был ярким и тёплым. Одно из кафе я люблю, там особый уют и варят вкуснейший кофе. Но сейчас я мечтал быстрее попасть домой. Промокнув насквозь, я перестал обращать внимание на лужи, их обходить не имело смысла, ускоряясь я шёл вброд. Решив пройти коротким путём, позабыл, что маленькая дорожка, соединявшая сквер и двор новостройки, в которой я жил, не асфальтирована...

Счищая с подошв грязь возле парадной, я услышал слабое кошачье нытьё. Оглядевшись по сторонам, увидел котёнка. Его мокрая шерсть скрывала окрас, он был просто тёмно-серым с бледно-фиолетовыми просветами кожи. Глаза прищурены, а широко раскрытый рот издавал звуки кошачьего страдания призывая чьё-то милосердие.

Мимо пробежали соседи, открыв быстро магнитную дверь, забежали вовнутрь, с возгласами и смехом утонув в глубине дома.

– Что ты малыш? – Присев на корточки, спросил я котёнка, будто сейчас он мне немедля ответит. И он отвечал: противно тянул своё «мяу». – Ах, решено, бродяга! Пойдёшь ко мне, обсохнешь, перекусишь, а там как хочешь, можешь продолжать жить своей жизнью.

Котёнок оказался мужиком, навернул миску борща и глазом не моргнул. Шерсть высыхала, появлялись какие-то полоски. После спустившегося с небес ужина, он нашёл себе местечко в углу зала и принялся по-кошачьи приводить себя в порядок.

Я занялся своими делами. У меня впереди предстояла непростая неделя, нужно было подготовить квартальный отчёт, – ох и измотала меня эта бухгалтерия, бросить бы всё к чертям собачьим, да мотнуть, куда глаза глядят. Неблагодарное это дело – честно считать чужие доходы. Угораздило меня поступить на экономический, а потом ещё курсы бухгалтерского учёта... «Иди!» – Мне говорили: «экономисты вон сейчас как требуются...» – ошибка вышла, – кроме экономистов, как собак нерезаных оказалось, кхе... студентов желающих постичь одну из древнейших профессий, а потом их очереди стоят, – всем работу надо по спе-

циальности. Студенты в тех местах делятся на несколько категорий: пешком идущие и на колёсах едущие. У «на колёсах едущих» уже всё схвачено, они даже сами не знают на сколько, не думают об этом. А зачем? Что интересно! – Они, не напрягаясь, учатся и тянут на красный диплом... конечно, понятно, что их «учиться» никоим образом не пересекается с истинным глаголом – учиться! Идущие студенты есть разные, те, кому нужно попотеть, чтобы купили колёса, но у них тоже и место, и диплом в кармане и те, кто из кожи лезет вон, чтоб в зачётке больше положительных результатов было. И все мечтают о красивой жизни. Но, вот только единицы из всех этих тысяч работают по специальности, а из тех единиц пару экземпляров – в престижных местах. Основной массе максимум повезёт на место клерка в зачуханном банке около терминала в качестве подсказчика, как засунуть карточку. Парадокс: – в банке, наверное, даже уборщица мнит себя банкиром. И чем выше должность, тем «выше к богу»... Поэтому обратите внимание, с какими лицами прохаживается парнишка в беленькой рубашечки мимо банкомата, недавно занявший эту великолепную должность. А знаете почему? Всё просто, ему пообещали «место на Олимпе». Но пройдёт время и его взгляд станет, как у той тридцатилетней барышни, что готова этим взглядом убить любого, кто её зовёт заправить грёбаную «дебитовку» со своими жалкими копейками, за которые они, видите ли трясутся: «А вдруг застрянет...»

Вот и мне рассказали, как хорошо уметь ковыряться в облапленных миллионами рук бумажках. Мне, что, нужно гордиться тем, что через меня проходят суммы, которых многие в глаза не видели? – «Вот посмотри на тётю Валю, на соседа Геннадия Александровича, – люди при деньгах, дома какие себе построили, на машинах...» – Никто не задумался о том, что тётю Валю в определённых кругах и ценят, как «опытного бухгалтера», потому и приглашают для проведения особо выгодных наличностей. А Геннадий Александрович никто иной, как Геша «Золотник», он трудился в девяти банках нашего родного государства себе во благо, после чего был в международном розыске. Сам улетел в Штаты, там говорят, занялся сетевым маркетингом, создал пять мнимых компаний, учил, как из воздуха делать деньги. После убежал в Мексику. Когда страсти поутихли, вернулся на родину. Сейчас, вроде как, честно работает, открыл клининговую компанию, в офисах порядки наводит. За то, говорят мне, мир повидал. Ну, тётю Вале не так повезло, не разглядела она бумажек подставных, пришлось три года в застенках провести.

Кому-то такая работа в радость, а я устал, но бросить пока не могу. Но радует меня тот факт, что после отчёта иду в отпуск!

Чем бы мне хотелось заниматься? Меня спросили в детстве, кем бы я хотел быть... , на что я ответил: «Художником, модельером, дизайнером!». «Это всё несерьёзно!» – отвечали мне. – «Ты мужчина, у тебя должно быть образование, должна быть престижная профессия... вот выучишься и станешь, кем хочешь!». Бред какой-то!

Котёнок спал крепким сном, растянувшись на коврик под компьютерным столом. Шерсть у него оказалась серой в тёмную полоску. Сев на пол, я рассмотрел его повнимательней. Самый обычный кот. На вид здоровый. Может отдать племяннице, – она так хотела котёнка. Мне как-то не до этих забот.

Глаза резало, голова словно чугун. От документов уже становилось дурно. Закрыв папку, отправился в кровать.

П

Играл на телефоне «подъём», но я, уже час, как не спал. Разбудил дождь, он, точно стараясь, изо всех сил, проникнуть сквозь стёкла. Надо вызвать такси – иначе, не вариант.

А на спинке дивана уже сидел пушистый «прихлебатель».

Зазвенел телефон. На экране: «ШЕФ». Нажал кнопку вызова.

– Доброе утро, Сергей Николаевич!

– Доброе! Макс, я слышал, ты в отпуск собираешься? – «о-о-о нет только бы не начались неожиданные поручения под названием: «...ну, очень нужно.., ну, я тебя прошу.., мы же друзья... (в каком месте?)» прошлый мой отпуск именно так и начался, именно этими словами шефа». Я напрягся, подкатив глаза вверх в надежде «помощи свыше...»

– Ну, да! Заявление уже написал. – Хотя в прошлый раз мне пришлось его переписывать! Я продолжал смотреть на потолок.

– А ты не хотел бы его переписать? – Вот! Или нет... всегда он говорил: «Макс, нужно переписать?»

– Если у тебя готовы отчёты, я заехать могу, забрать! – Я онемел на секунду, с чего такая щедрость. Это и напрягало, и в то же время становилось свободней дышать. – Алло, Макс!

– М-да, я здесь.

– Так готовы или нет! Если нет, то уже сам.

– Гооотовы! Ещё вчера сделал! – «Правда, два часа назад закончил...»

– Ну, вот и отлично! Пока я еду, чиркни заявление – с сегодняшнего числа в отпуск.

Вот это повезло, так повезло!

Кровать стала необычайно приятной. А дождь самой лучшей погодой. Хочу уехать на озеро в горы.

– Ну, что приятель... – посмотрел я на котёнка, а он, словно понимая, внимательно уставился на меня, – что с тобой делать будем?

«Мя-ау»

– Вот тебе и мяу!

* * *

На седьмом этаже другой новостройки, что расположена напротив моего дома, на пятьдесят метров ближе к скверу с отзеленевшими каштанами, жила Вера Воронцова. С ней мы познакомились на втором курсе нашего многообещающего университета, когда сидели на лекции «очень интересной». Она смотрела на лектора таким вдумчивым взглядом, что мне казалось – человек в теме, – только ошибся я на её счёт – она со мной поделилась, позже, как ей вообще в печёнках сидит весь этот университет с его финансами. Она бросила учёбу, хотя её родители были категорически против такого решения, спустя полгода после нашего знакомства, за месяц до окончания второго года учёбы. Выйдя из дверей кладезя финансовых знаний, она направилась напрямик к себе в художественную мастерскую. Её дед, известный художник, оставил ей в наследство старенькую квартирку, в которой сам работал и жил. Вот и начала она в ней заниматься живописью.

Я не сразу узнал, что Вера живёт со мной по соседству. Когда мы учились, я жил на родительском попечении. Спустя пять лет после учёбы родители раскошелились мне на квартиру, – и купили трёшку в свежей новостройке. А спустя ещё год, когда я шёл с работы домой, встретил знакомое лицо. Эта была Вера, – я её долго вспоминал, но девушка сама подошла ко мне и поздоровалась, – тогда я и понял, что передо мной Вера Воронцова.

Хотя с тех пор прошло не так много времени, всего на всего три месяца, но мы успели наладить достаточно тесный контакт. В первые две недели по утрам мне приходило на телефон сообщение: «С добрым утром, Макс!», на что я отвечал взаимностью. В обед, когда я спускался в бистро под нашим офисом, получал сообщение следующего содержания: «Bon appetite, Макс!»; идя с работы, читал на экране: «Я в кафе! Заходи!». Такое внимание с одной стороны льстило, а с другой – начинало напрягать. Иногда казалось, что Вера хочет больших отношений, а я дальше, чем дружба ничего не видел.

В очередную нашу встречу в кафе было неестественно спокойно и тихо. За столиком у окна, скудно допивал третью чашку кофе, какой-то очень умный, по виду, но в то же время,

обременённый грузом нажитого, человек. Под столиком у его ног стоял потёртый старый кожаный портфель, набитый до отказа, видимо по привычке, важными для человека бумагами. Старомодный галстук, купленный, этак в годах шестидесятых, весьма неплохо сохранившийся, стягивал плотно застёгнутый старомодный воротник светло-серой сорочки, надетый на распашку пиджак. На мой взгляд, всё говорило о многолетней преподавательской деятельности, да ещё и затянувшейся. Рядом стоял бокал коньяка, который пустел по мере того, как ему приносили, очередную чашку кофе.

В итоге, человек взял в руку этот бокал и излил остатки содержимого в себя. Позвал официанта, тихо отсчитал ему из старенького портмоне, взял свой пузатый портфель и покинул заведение.

Бармен что-то протирал краешком накинутаго на плечо полотенца...

Шипя, бормотала радиола, (еле слышно)...

Тяжёлая дубовая дверь на больших бронзовых навесах издавала глухой, грубый, но протяжный скрип. Не нужно вешать колокольчики, оповещавшие о посещении клиентов. Я сколько здесь бываю, столько помню скрип этой двери, может навесы не смазывают именно с этим умыслом. А что, в этом есть некий стиль. Другие ведь двери не скрипели, особенно дверь в туалет...

По стенам развешанные черно-белые фотографии, со своих поверхностей говорили о любви к старому французскому кино, а их рамки тонко подчёркивают своей лаконичностью.

Тогда в кафе мы сидели за столиком возле дальней стены. Официант принёс два кофе и тирамису. В тот раз я внимательно рассматривал глаза Веры. Они были чёрные от приглушённого света в заведении. Её лицо излучало лёгкость, а глаза смотрели из глубины.

– Что для тебя счастье? – Спросила об этом она, почему-то именно в тот момент.

– Счастье для всех одно...

– Почему ты так думаешь?

– Счастье – это исполнения желаний души!

– Ты хочешь сказать, что у каждого есть желания и если он их исполняет, то и счастлив?

– Почти! Но ведь в сказанном, вроде всё очевидно.

– Очевидно. Но я уверена, что не все желания приводят к счастью.

– Ну...

– Мне нравится, как ты это сказал, но бывают такие желания, которые не рождены в душе, они часто навязываются глазами, руками, носом.

– Значит, если человек голоден, он может быть счастлив...

– Да!

– Тогда о каких ещё желаниях души ты говоришь?

– Все материальные желания приносят кратковременную радость. Получил ты зарплату – радость, заканчиваются деньги – радость уже не та. Купил ты квартиру – радость, обрастаешь бытом – радость уже не та. Пришли поздравлять тебя с днём рождения друга – радость, разошлись все, гора посуды, вспоминаешь, сколько тебе лет – радость уже не та. А вот душе надо другое, – ей нужна любовь, понимание, сострадание. Ей не нужен толстый бутерброд с колбасой, да и пешком она пройтись может.

Потом наступила тишина. Мы сидели, молча, смотрели в окно, я выкурил сигарету, взяли ещё по чашке кофе. Вера, уже как месяц, бросила курить. Мимо окна пробежала собака... вдруг остановилась. Повернувшись к нам, посмотрела сначала на меня, потом на Веру. Помахав хвостом, исчезла из виду. Я задумался над словами Веры, и ещё не понимал, к чему она клонит.

Вера, ушла в туалет, а когда тут же вернулась, поковырялась в сумке и, достав брелок, положила на стол передо мной.

– Это тебе! Я уезжаю! – Неожиданно выдала Вера. Её голос был какой-то другой.

– Куда?

– Я уезжаю в Африку...

– Но зачем? – Вера не удивляла меня своей неожиданностью, но это было, явно странное побуждение.

Она скоростно ушла из университета, съехала от родителей, поставив их перед фактом, когда тихо скопила денег на аренду квартиры. Она не поддавалась чьему-либо воспитанию и категорически не собиралась выходить замуж, и тем более, заводить детей, – по крайней мере, пока, – как убеждала она. Всеми своё время. Выбегать замуж с перепугу и быстрее рожать детей, только потому что, видите ли, возраст, и посмотри, ведь подружки давно уже имеют по двое детей. Всё это удел прошлых лет! – так рассуждала Вера. Раньше люди заключали браки очень рано, особенно выдавали девушек, чтоб та не сидела на шее у своего отца, а «продала плешь» своему мужу. Сейчас совсем иначе, но у кого-то сидит в голове: «не опоздать бы».

Я думаю, придут те времена, когда люди вообще перестанут заключать браки... но это тоже печально. Наш век и так бессердечен, а отсутствие семейных отношений делает человека и вовсе безразличным к обществу, коим он практически уже является.

Я взял со стола брелок – бегемот на цепочке. Подарок странный. Только я ничего говорить вслух не стал, оставил всё в пределах своих мыслей.

Признаться, я такой Веру ещё не видел. Она ведь хотела в Италию. Зачем ей ехать в Африку?

Когда люди едут отдыхать, они так и говорят: я взял (а) путёвку, поеду на недельку во Францию, – и начинает с азартом рассказывать, как давно мечтал (а) побывать в Париже, съесть настоящий круассан, посмотреть на Эйфелеву башню и с неё. И бла-бла-бла...

Нет, за материальным добром она и шагу не ступит. Мне тогда показалось, Вера искала утоления голода каких-то внутренних уголков себя. Сказать, что девушка была несчастна? – Напротив, счастье из неё не убывало (по крайней мере, я так заметил). А поиск его не утруждал её ни сколько. Она не ждала, что счастье свалится ей на голову, что кто-то принесёт ей его на подносе. Вера, в принципе, жила своей интересной жизнью. Она не считала, что ей кто-то что-то должен, не считала должной перед кем-то и себя. Вере не составляло труда, как порадоваться пустяку, так и сделать что-нибудь грандиозное. Она жила своими поступками, своими мыслями.

У меня же были двойкие чувства к ней. Но как-то больше в том было всё же дружбы.

глава вторая: морковный сок со сливками

Проснулся я рано утром, когда, наверное, ещё петухи начали петухами, где-то в деревне. Не то чтоб я проснулся сам по собственному желанию, но мои глаза открылись сами и больше не хотели закрываться. Вместе со мной проснулся и мой недавний «поселенец». У котёнка, явно, оказался настырный характер, сначала он начал мяукать, пытаясь заглянуть мне в глаза с пола, потом забрался мне на грудь, затем стал наматывать круги по подушке. Вот так провалявшись два часа, я решил, что пора вставать и занять себя чем-нибудь полезным. Например, накормить кота. На часах было пять тридцать.

Выдавлив котёнку, корм из пакетика в миску я принялся готовить себе кофе.

Утро протекало тихо и ровно. Слишком тихо. Я глядел в окно, там не дул даже ветер. Небо стояло на месте, – его титановые тучи, словно, в грохочущей тишине, вот-вот намеревались сорваться с тверди на землю всей тяжестью накопившейся в них воды. Подобно воздушному шару, который надев на водопроводный кран, наполняют водой и ждут, когда же он не выдержит и выбросит из себя неудобноносимый груз, став жертвой, ради своей лёгкости. И вот послышались отдалённые раскаты грома. Настала снова тишина, – она продлилась не больше минуты. Небо озарилось вспышкой, как при фотосъёмке. Прошло секунды три и всё сотряслось мощным громовым раскатом, точно над моей головой, как если бы я стоял на улице. Тучи порвали сами себя, – они сбились как стадо баранов. Напившись воды до невыносимого отказа, таки отказались её в себе держать. А я стоял и смотрел в окно, залитое ливнем, сквозь которое просматривался искривленный город – пожелтевший сквер, дом Веры. Котёнок сидел на подоконнике и вертел головой, гоняясь взглядом за громоздкими каплями, стекающими по стеклу, периодически пытаясь удержать их лапой. Не понимая своего напрасного труда. От грома, он сразу заметался по квартире, ища место, куда можно спрятаться, а, когда зашестел ливень, быстро оказался на окне.

К обеду из-за туч выглянуло солнце, накрапывал остатками дождь.

В общем, около полудня небо стало чистым.

День этот начался с кофе и им продолжался ещё раз пять, но честно сказать, я сбился со счёту. Поставив очередной раз джезvu¹ на огонь, ждал, когда подойдёт пена. Но пену опередил звонок телефона. «Нет, сначала пена, а потом телефон!» – настаивал я. – Но звонок оказался настырным и продолжал меня требовать. А я, настойчивым. Телефон замолчал. Я налил кофе в кружку, подлил молока, взял в руки японский кроссворд и только сделал глоток, и принялся водить карандашом по пустым квадратикам головоломки, пытаясь вникнуть и посчитать, как звонок раздался снова.

Я бы посмотрел, кто звонил, но это был скрытый звонок. Не люблю такие звонки, но всегда интересно узнать, кто звонит, потому и поднимаю трубку. Что мне ещё интересно! – Зачем это нужно людям... какой-то «синдром тайного агента»?

– Да! Слушаю.

Вначале я услышал дыхание. Мне представился образ, который продолжает думать, что сказать. Последовало мычание...

– Вы будете молчать? – не выдержал я. – В таком случае я кладу трубку и больше не беру.

– Подождите! – Вырвался женский голос. – Не торопитесь бросать трубку.

Я промолчал. Лишь ждал.

– Спасибо! Вы Максим?

¹ джезва – (турка), посуда для приготовления кофе.

– Насколько мне известно – да! – Я понимал, что говорить начал с презрением и следует поубавить обороты. Девушка, было слышно, волнуется, и, по всей видимости, долго решалась на этот звонок.

Я отпил кофе, сделал выдох.

– Я хотела с вами встретиться...

– С какой целью? Я вас не знаю... мне даже не известно ваше имя...

– Я не могу сказать всё по телефону. – Моего оппонента словно поставили на паузу...

– Ну, хорошо, – прервал я молчание. Меня бесили такие моменты. Мало того, неизвестно кто, зачем, ещё и «резину тянут».

– Если бы мы с вами встретились, скажем, в сквере, что по соседству с вашим домом...

– Ладно, я приду ... – только какого чёрта я туда попрусь, я и сам не понимал.

В сквере я нашёл лавочку поудобнее, – ту, что свободна. И подумал: «как же выглядит эта тайная особа, должно быть она меня знает и найдёт сама». Я идиот, – но думать я об этом не стал.

День стал жарким и парил. Небо было чистое и не предвещало никаких осадков. От жары выступил на лбу пот. Я сунул руку в карман, чтоб достать платок, пальцы наткнулись на брелок, который подарила Вера. Вытащил. Покрутил в руке. Протёр лоб платком. Посмотрел на часы, – стрелки показывали пятнадцать минут третьего. Я сидел и рассматривал людей, ютившихся на лавках, – кто-то читал книгу, кто-то уткнулся в планшет, кому-то доставляло удовольствие, так же, как и мне за всем этим наблюдать. Одна женщина сидела и просто смотрела перед собой в никуда, но при этом она ухмылялась, – складывалось впечатление, что она про всех всё знает, а молчит и над всеми смеётся. На её лице, мне так показалось, прочитывалось: «...какие же все идиоты. Я всё знаю – куда катится мир, и кто будет следующим президентом, что нужно читать, а что вообще не стоит человеческого внимания, какие телепередачи нужно смотреть, как правильно надо одеваться, каким образом положено воспитывать детей»... и так далее, и тому подобное, – список бесконечный. Это была полная женщина с начесанной шевелюрой на голове, яркими морковными губами (кому нравится такой цвет губ?), полнота по возрасту, длинная вязаная кофта белого цвета (в такую-то жару), длинная юбка ярмарочной раскраски, из-под которой выглядывали щиколотки, а на земле она стояла старомодными лодочками послевоенных времён на низком каблуке. Каждый палец её рук был, по всей видимости, так думала она, создан, чтоб носит сразу по два-три огромных кольца. Не сказать, что пальцы у неё были очень длинные и тонкие, наоборот – весьма пухлые и короткие, нужно умудриться натянуть на них всё это. Она уже уходила, а я продолжал смотреть ей в след, для чего-то пытаюсь понять её сущность, – что-то мне в ней говорило о недавнем одиночестве и не весьма состоявшейся личности. Я себя поймал на том, что занимаюсь мыслеблудием и мне на самом деле триста лет не сдалась эта женщина, которая может и нуждается в чьей-то помощи, да только ей это не нужно.

С этими мыслями я не заметил, когда ко мне подошла девушка и назвала меня по имени.

– Вера?..

– Нет. Я Лера.

– Но... – да, голос... отличался, мне показалось, что именно этим голосом со мной говорила в кафе Вера, но всё остальное было чистой копией.

– Я её сестра.

Признаю, я ничего не знал о Вериной семье.

Когда Лера села рядом, я обратил внимание на её руки. У Веры на большом пальце правой руки у основания ногтя была родинка. У Леры родинки не было. Одеждой сильно не отличалась, так же джинсы, так же приталенная сорочка и на ногах надеты балетки. И не знаю, как Лера, а Вера сменяла брюки длинной юбкой.

– Вера никогда не рассказывала о вас. Обычно такое не утаишь. – Мне ерундой казались мои слова.

– Мы мало проводили время вместе. В основном это было в детстве.

– Обычно близнецы часто вместе...

– Но мы не близнецы... – Лера посмотрела на меня и, я не увидел Вериних глаз.

– Я моложе Веры на один год и два месяца. Все думают, что мы близняшки. Родители смеются на этот счёт и говорят: «Они же разные... ну, сходства есть...» – и начинают долго в нас всматриваться. У папы с мамой это стало сценарием – все говорят, они смеются, а потом всматриваются. Мы к этому привыкли с детства.

– Бывает же такое?!

Лера только пожала плечами.

– О чём вы хотели со мной поговорить? – Начал я, вспомнив, зачем мы здесь.

Я вдруг увидел, что Лера раскраснелась. От этой девушки исходила совершенно другая энергия, нежели от её сестры. С Верой мы могли общаться, как друзья совершенно на равных. Когда мы учились в университете, то первые же моменты нашего общения не давали никаких намёков на секс. Просто разговаривали о жизни, о прочитанных книгах, о кино, нас тянуло на философию, – тем для разговоров хватало, чтоб забить друг другу голову. Но это нам нравилось. Много раз я спрашивал Веру, чего она от меня ждёт, и Вера сразу не задумываясь говорила: «Ровным счётом ничего». – Ставила уверенную точку после своего ответа и смотрела мне в глаза, словно принимая меня за телепата, ждала мой ответ. На самом деле не надо обладать сверхспособностями, чтобы понять её взгляд. Я с уверенностью констатировал: «Мне интересно с тобой, как с другом, но в какой-то момент сам себе задаю вопрос: – Что между нами? – Дружба между мужчиной и женщиной для меня всегда была странностью, а с тобой я могу дружить». Вера на это улыбалась.

Глядя на Леру, я вспомнил наше последнее общение с Верой, когда мы сидели в кафе, а я рассматривал её глаза. В них я тогда впервые увидел женскую энергию и, на какой-то момент внутри меня поднялись чувства, которых я никогда к ней не испытывал. Придя домой, я ещё долго вспоминал её взгляд, а в груди ускорилось сердце. Потом начинал рассуждать о Вериних эмансипации и, сердце уже не билось так ускорено. С её сестрой я сидел, как мужчина. Её глаза не смотрели на меня, как Вериних взгляд, она стеснялась, – стеснялась, как стесняются девушки парней. Мне захотелось её поцеловать. Да, сразу! Сходу! С первой же встречи! С Верой не было такого желания. Я поразился тому факту, что девушки практически похожи, а вызывают разные эмоции.

– Можно я перейду на «ты»? – мне будет проще.

– Конечно. – Согласился я и почувствовал её ещё ближе.

– Не хочу ходить вокруг да около... – Если бы я тебе по телефону сказала, что хочу встретиться потому, что ты мне нравишься, – ты не пришёл бы? Верно?

Я достал сигарету, щёлкнул свой пьезоэлемент, сделал затяжку, выпустил дым, посмотрел на Леру.

– Не знаю. – Я сейчас смотрел на неё, возможно на тот момент мне показалось, уже полюбившими глазами. А значит, сказать что-то отрицательное – не мог!

Она сказала и перевела взгляд на браслет, который сняла с руки и теперь перебирала бусинки пальцами. Я чувствовал трепет души в её маленьком теле. Она словно ждала, перебирая чётки, там: в глубине сознания, начитывая джапу², для большей концентрации своего великого желания.

А я чувствовал к ней ещё больше трепета, но не понимал, что на это сказать.

² джапа – порядок молитв, мантр в буддизме, индуизме. Духовная практика медитативного повторения (рецитации) мантр или имён Бога в индуизме.

– Я знаю о вашей дружбе с моей сестрой..., точнее узнала недавно, что вы просто друзья. Это меня и подтолкнуло...

– Честно говоря, мне впервые признаётся в своих чувствах девушка. – Неожиданно перебил я Леру. – Да и сам, признаться не делал этого очень часто. Когда-то в школе, одной девочке. Она была старше меня на два года. Мне тогда исполнилось двенадцать лет. У неё были голубые глаза и длинные ресницы. Тогда все девочки заплетали косички. По коридору бежал один «смышлёный» пацан и дёрнул её за косу. Она что-то читала. Книжка вылетела из рук и упала на пол. Она за ним не побежала, он скрылся в лабиринтах школьного коридора, а она села на корточки, положила руки на голову и расплакалась. Я, помню, подошёл, поднял книжку, сел рядом с ней. И в тот момент она посмотрела на меня. Я увидел эти глаза, с них катились слёзы. Увидев меня протягивающего ей книгу, она перестала плакать. Тогда я признался, какие у неё красивые глаза. Она продолжала на меня смотреть, и я ей сказал, что она очень красивая. Взяв у меня книгу, она поцеловала меня в щёку и побежала к себе в класс. Я стоял у окна и смотрел ей в след, а сердце отстукивало её бегущие шаги. (Она ещё проучилась в нашей школе два месяца, и переехала с родителями в Италию). Мы виделись с ней каждый день в школе, она спрашивала, как мои дела. А потом подошла и сказала, что уезжает, и будет меня обязательно вспоминать.

Лера смотрела на меня внимательно пронизывающим взглядом.

– Пойдём, попьём латте. – Я встал, протянул ей руку.

– Сок. Морковный. Со сливками. – Лера продолжала сидеть. Смотрела на меня и надевала браслет на руку.

Мне же должно было показаться это странным. Выдержав паузу, я сказал:

– Я не знаю... делают ли они там такое.

Лера взяла меня за руку и мы ушли.

глава третья: маленький Будда

I

Получилось так, что всё произошло быстро. Быстро пришла любовь, быстро стали понимать друг друга, – возникало ощущение, будто мы были вместе всегда.

Вера – она стала родной душой, но подпускать её ближе не возникало желания. Мы хорошо проводили вместе свободное время. Выпили много кофе и коньяка, слушали музыку, делились прочитанными книгами, мечтали, Вера показывала мне свои картины. Не было ни одного конфликта, – мы могли поспорить о чём угодно, повалить дурака. С Лерой не то, чтобы всё иначе. Повторюсь, меня поразило то, что внешне две сестры очень похожи, но воспринимал я их по-разному. Лера была, как и сестра, разносторонней личностью, с ней было не менее интересно. Её интересовало всё, если не сказать: больше. С каждой нашей встречей этот человек открывался с новой стороны. Лера, как драгоценный камень в руках искусного ювелира, который с величайшим мастерством, не снимая ничего лишнего, у меня на глазах создаёт новую тонкую грань с приходом нового дня. Я стал часто многому удивляться, чего не бывало со мной никогда раньше. А как не удивляться, когда ты видишь, сколько содержимого в одном человеке. Как бездонный сосуд, из которого ты постоянно извлекаешь неожиданно что-то новое.

Люди говорят: «...когда всё быстро развивается, то быстро и проходит». Но у меня возникало такое ощущение, что для нас положена вечность. Единственное, что меня заставляло задумываться, это сам я. Не видел я в себе ничего особенного.

Мне казалось, Лере скоро станет со мной скучно. И мысленно разглядывая себя со стороны, я задавал ей вопрос: «Тебе со мной интересно?» – И тут же на меня сваливался мешком ответ: «Ты что, я же тебя люблю!» Ответ, как по мне неясен, но устраивать допрос с пристрастием, делом было лишним.

В минуты своей грусти, а такое случалось, Лера молчала. Её брови сдвигались к переносице, и она хмуро смотрела. Такой взгляд заставлял меня глубоко вздыхать. В такие моменты, мне, точно не хватает кислорода. И я начинаю задавать один тот же вопрос, на который получаю один и тот же ответ: «Ну, что?», – за ним следует: «Я что, не могу быть спокойной?», – и, – «...всё в порядке, не переживай...». Потом я заметил, что в это циклично. Месячные у Леры проходят быстро, два-три дня, а вот период их приближения длится подольше, сопровождаясь разными настроениями. Но это я забегая вперёд.

По утрам, какая бы температура ни была, Лера обливалась холодной водой, после стакана свежевыжатого сока, – я купил специально соковыжималку, чтобы Лера, оставаясь у меня, не изменяла своим привычкам, но чувствовала себя, как дома. Также у меня всегда были припасены для неё свежие фрукты. Поначалу она приходила со своим пакетом, – я попросил её больше так не делать и стал сам запасаться фруктами. Выходила из душа, расстилала коврик для йоги и выполняла комплекс асан³. Я просыпался рано, готовил кофе, брал сигарету и шёл с книгой на балкон, застеклённый сверху донизу. Открытое настежь окно и висящие до пола занавески, придавали ощущение присутствия на террасе. Я поставил там маленький столик и кресло, – таким образом, я мог наслаждаться маленькими моментами своей скучной, посредственной жизни. С приходом в мою жизнь Леры, я поставил ещё одно кресло. Она осторожно заходила на балкон, аккуратно садилась и, чаще смотрела на меня, чем по сторонам. Могла рассматривать небо в моменты закатов и рассветов. И никогда не глядела вниз, – Лера боялась высоты, – а квартира у меня находилась на четырнадцатом этаже. Дверь в комнату летом была открыта, и я мог наблюдать, не вставая с кресла, как Лера выполняет свои упражнения. Во время занятий Лера включает музыку – какие-то индийские мотивы.

³ Асана – упражнение (поза) в йоге (санскрит), от него произошло русское слово – осанка.

В один момент я почувствовал желание, ...очень сильное. Очередной раз я сидел на балконе, попивал кофе, потягивал сигарету, наблюдал за занятиями Леры. Мне захотелось что-то написать. Я взял блокнот, ручку и принялся, глядя на Леру, заполнять страницу чернилами.

«Приятный прохладный ветерок залетал в нашу комнату через чуть приоткрытое окно. Но более резкий порыв раскрыл его настежь. И теперь комната превратилась в большую свежую воздушную ванну, в которой купаться было одно наслаждение. Уже был час дня, – но состояние было всё ещё утренним. Душа переполнялась миром. С улицы доносилась птичья перекличка, скрипели качели, играли дети. Сейчас обедня, – об этом заявляли лёгкие колокольные звоны находившегося неподалёку храма.

Моя любимая заканчивает приветствие солнцу – сурья намаскар⁴.

Дом наполнен особой приятной энергией, которая зовётся – Жизнь.

Теперь «моё солнышко» сидит рядом, читает книжку и грызёт очень душистое яблоко...»

– Что ты пишешь? – Заглядывая через столик в блокнот у меня на коленях, спросила Лера.

– Как мы с тобой проснулись... – с улыбкой ответил я.

– Хм, интересно! И давно ты этим занимаешься? – В глазах у Леры я увидел звенящий интерес. – А можно я прочитаю? – Интерес её словно забил в колокола, что, казалось, она выпрыгнет душой из тела на мной написанный текст.

– Конечно. – Я протянул тетрадь ей в руки. – Сейчас на меня что-то нашло. Вот и решил записать.

Она внимательно прочла содержимое страницы и передала мне обратно. Улыбнулась. Я не полез с вопросом. В конце концов, я же не претендовал ни на что.

– Продолжай. – Заключила она, словно подписав этим словом рецензию.

В детстве я написал пару стихов и все посвятил природным явлениям. Тетрадь завалилась у родителей и о том, наверно, никто не вспоминал. Сочинения в школе я писал ниже среднего. Я больше рисовал. Мне нравилось изображать всё, что меня окружало, – от спички до бабушки, я пару раз нарисовал папу с мамой, а бабушку раз сто. Я сбился со счёту её портретов, мне казалось, я рисовал бабушку всегда и везде. Может из-за того, что с бабушкой я был гораздо чаще, чем с родителями, – наверно, это так. Я очень любил свою бабушку и продолжаю любить. Её уже нет на земле, но в моём сердце она даёт о себе знать каждый день. Какая-то мелочь, что-нибудь серьёзное: бабушка всплывает в памяти и я рассуждаю: «а что сказала бы она, как бы поступила..?». Порой я думаю о том, что бабушка умерла рано (шестьдесят четыре года, на самом деле, ещё не возраст уходит из этого мира, но кто нас спрашивает...). Мне просто хотелось в какие-то моменты, чтобы она повлияла своим присутствием – рассудительностью, вниманием, строгостью. Бабушка учила меня правильно выбирать вещи, правильно их носить, слушать правильные звуки, которые издают музыканты и певцы, пусть она не слушала рок, смотреть на правильных людей и брать с них пример. Бабушка, наверно, как и многие люди того времени, была строга к теме секса. Прямых разговоров на эту тему у нас не было, но она являлась ярким представителем жизненной дипломатии, по-простому говоря – в ней была мудрость, мне кажется, ко всему, но будучи в детстве, я думал не всегда так, с возрастом стал понимать её правоту, как и видеть ошибки. Я не могу переспать с «бухты-барахты» с первой встречной, даже если она мне очень сильно понравилась и поднимает у меня большой к ней интерес. Есть какая-то брезгливость, что ли. Мне надо лучше человека узнать.

В общем, почему я о бабушке? – Глядя на Леру, я вижу схожие черты характера. Не сказать, что она её копия, но что-то в ней просматривается – многое, я бы сказал. Чувство вкуса,

⁴ Сурья намаскар – приветствие солнцу (санскрит) – комплекс упражнений в йоге, выполняемый в определенной последовательности, – по возможности утром.

чувство стиля, взгляд на жизнь, взгляд на любовь. Я думаю, родись бабушка в пределах нашего поколения, она бы точно занималась йогой, постигала бы глубины буддизма, слушала бы рок музыку и увлекалась всем, что не обременено словом «попса». Хотя сегодня и йога, и буддизм, и быть вегетарианцем сильно «опопсело». Но есть те люди, которые идут за этим не ради моды и избегают «модных сборищ». Такой является моя Лера, такой была моя бабушка!

Я раньше не обращал внимания на многие вещи. Мне открыла глаза Лера. А может я просто не смотрел в те стороны. Мне казалось, йогой у нас только и занимаются в фитнес клубах, а вегетарианцы – это люди где-то живущие, – к примеру, в индии, кое-где у нас. А их много! Обо всём этом мне стала рассказывать Лера. Я внимательно слушал и понимал, что я имел совершенно неправильное представление.

И Лера рассказала мне о своём учителе.

II

Тогда, когда одни делают себе рекламу, распространяются в соц. сетях и собирают большие группы спортсменов-модников, другие получают просветление, прибывая в медитации, совершенствуясь в асанах. О таких людях никто не знает, либо они говорят об этом тихо. У них тоже появляются ученики – люди, которые желают жить, таким образом, для себя, а не для кого-то – своих одноклассников, друзей, коллег, неприятелей, приятелей и так далее. Человек, который решил становиться духовным, не будет обвешиваться объявлениями об этом. Сегодня стало модно «становиться на путь истинный». Во все времена была мода на что-то. Модно курить – все курят, модно делать татуировки – все делают татуировки, время быть блатным – все резко «ботаю по фени»⁵. Время показать себя успешным и богатым, – почему-то не стараются на самом деле стать таковыми потому, что напрячься надо, но окружают себя понтами⁶, – раскрывают в себе патетически не положительные стороны характера. Всегда была мода и она всех и всё портила. Да, так и есть – я против моды, она порождает пустых людей. Мода родила попу⁷.

Сегодня модно поститься. Причём о посте говорят везде. Зачем войдя в пост, рассказывать всем, что ты в него вошёл? А потом страдать, глядя на то, как другие едят. Толку от таких действий?! Люди хотят показать, какие они стали духовные.

Человек, к которому на занятия по йоге попала Лера, привлёк своей философией. Случайностей не бывает. Лера пробовала себя в разных видах спорта, – не буду перечислять. Однажды она пришла на йогу в фитнес клуб. Она поняла, что её телу требуется именно это и решила для себя, во что бы то ни стало посвящать йоге каждый день. Но прозанимавшись три года, поняла, что группа, которую вела довольно спортивная девушка, топчется на месте, а внутреннего наполнения тем более, как не было, так и нет. Все, кто приходил на занятия, продолжали оставаться в той же форме, – Лера, давным-давно освоив программу, скучала, взирая на «пляж морских котиков». Читая литературу, просматривая фильмы, находя передачи, у Леры сложилось твёрдое мнение об образе жизни, – здоровой, полной соответствующей

⁵ «ботать по фени» – говорить на воровском (криминальный жаргон) используется среди воров, блатных. Появившийся в 10-х годах XX века и означающий «говорить на арг», является видоизменённым по «офене болтать», то есть говорить на условном языке офений (афений) (странствующих торговцев мелочами, менял, (коробейников)), прибывших из Афин в пятнадцатом веке, когда на Русь переселилось значительное количество греков. /Михаил Грачёв, «Интервенция криминального языка», 2009 г. // «Наука и жизнь»///

⁶ понты – (жарг.) тип поведения, когда человек изображает из себя не того, кем он является на самом деле (показаться богатым, громко объявить о наличии красного диплома, но не сказать, что он куплен, строить из себя блатного, выражая соответствующей речью и т.д.).

⁷ попса – (сленг.) от слова популярный, сокращённо – поп. К примеру – поп-музыка, как распространённые песни среди основной массы населения. Всё то, что не вписывается в рамки поп, является автоматически неформат. Под понятие – попса попадает, помимо музыки, – кино, телевидение, одежда, увлечение спортом. Религия (если человек пошёл только потому, что пошли все).

щей философии. Тогда Лера решила стать вегетарианкой. В подвешенном состоянии оставался вопрос: где найти нужного учителя?

Окончив лицей, Лера уехала учиться в другой город.

Умножая свои знания, она настойчиво задавалась вопросом: где найти хорошие занятия по йоге? И однажды ей посоветовали сходить на массаж к одному человеку, который практикует аюрведу⁸. Разговор, как, само собой разумеется, пошёл о улучшении своего здоровья. Выяснилось, что массажист не ест мясо и, преподаёт йогу. Этого человека, где только не носило. Он был и в Индии, и в Таиланде, и в Тибете, – ездил он не для того, чтоб погулять и поглазеть на достопримечательности. Он находил учителя и старался получить что-то новое. Получив традиционное медицинское образование, он занялся нетрадиционной медициной.

Придя к нему на занятия, Лера поняла: – она нашла того, кого искала.

Спустя время, в тех местах произошёл государственный переворот, который перерос в военный конфликт. Пока всё только было в процессе зачатия, становилось понятно, – быстро и по-хорошему это всё не кончится. Решение приходило само собой: естественно надо уезжать. И разъехались все, кому, куда удалось. Лера снова осталась без учителя. Но она, пользуясь знаниями, которые получила, изо дня в день их практиковала.

А ещё я стал обращать внимание на своего питомца. Я так и не дал ему имя, – Лера быстренько постаралась. Котёнок по зову своей природы занимался йогой. Он использовал каждый свободный момент, чтобы потянуться, прогнуться, выгнуться. Я заметил, как похожи Лерины упражнения с повадками котёнка. До сих пор я не поинтересовался, кто же «он»: – он или она. Лера, увидев моего жильца, быстро в него влюбилась, (а точнее, в неё).

– Я собирался отдать его своей племяннице. Подумал, что всё равно у меня времени нет ухаживать за ним.

– Ты что?! – Возмутилась глубоко Лера. – Она же тебе не просто так дана...

«Не понял! Что значит – не просто так?» – Подумал я, глядя на Леру и начал понимать: – «прихлебатель» у нас надолго. Ну, ладно!

– Тебе её Вселенная дала. Сам Бог даёт возможность тебе о ней позаботиться. – Лера держала котёнка прижав к груди и бурно возмущалась на меня. А я всё понял.

– Я всё понял. – Да, я понял, что здесь спорить не имеет смысла. С Лерой вообще не имеет смысла спорить, – да мне и не хочется этого делать. Я вижу и чувствую в ней огромную любовь ко всему. И ощущаю себя так, как не ощущал никогда. Я думаю: я был посредственным, а теперь, точно учусь какой-то глобальности своей природы, – тому, чего о себе не знал!

– Как её зовут? – Последовал ко мне вопрос.

– Я её никак не называл. Я котёнка принёс из-под дождя. Мне его стало жалко. Сидел мокрый насквозь. Забрал домой, накормил. Я ему так и сказал. Обсохнешь, согреешься и хочешь, живи дальше своей жизнью. Потом подумал, племянница хотела котёнка, а у меня нет времени на него. Так получилось, что эти хлопоты, – я указал рукой на котёнка, – пришлось на время отпуска. Так и остался пока.

– И так не пока, а насовсем! – Констатировала факт Лера.

– Как тебе угодно...

– Не перебивай! – Я сел в кресло, внимая её речи.

– Правильно посиди. Сейчас мы будем давать имя нашей кошечке.

«О-о-о! Вот это форсаж...» – Думал я параллельно речам оратора.

⁸ Аюрведа (от санскр. – «значение жизни», «принцип жизни», или «длинная жизнь» и «veda» – знание) – традиционная система индийской медицины, одна из разновидностей альтернативной медицины. Аюрведа считается дополнительной ведой (упаведой – санскритский термин, используемый для обозначения околоведических текстов. Не является частью вед) «Атхарваведы» и основывается на индуистской философской системе (санкхья – основа индийского дуализма, основанная Капилой. Цель философии отвлечение духа от материи). «Аюрведа» может быть переведено как «знание жизни», «знание длинной жизни».

А кошка, приняв хозяйку, сидела у неё на руках и изредка бросала на меня свой томный от удовольствия взгляд, тем самым говоря, кто на самом деле в доме хозяин. Я и сам стал понимать, что невольно и без всяких церемоний делегировал власть в нежные руки, которые сейчас держали котёнка, решая, какое имя будет у нового члена семьи.

Не знаю, проявлялось ли на моём лице, но я улыбался душой во всю его ширь.

– Значит, сделаем так. – Лера забегала глазами по комнате. Подошла к книжной полке. – Что ты тут читаешь?

– Ты собиралась называть котёнка, а не читать.

– Подожди, сейчас назовём.

Я следил с любопытством за всем происходящим. Лера бродила взглядом по книжным полкам. Кошка, последовав примеру своей хозяйки, развернулась и стала также водить головой из бока в бок.

– Так, отлично! – Рассуждала Лера. – Хемингуэй, Акунин, Хм... Репин? А он, что, писал?! Или это не тот Репин.

– Тот! Было немного... – вставил я.

– ...Андахази... – не знаю такого.

– Он хорош. Своеобразен, где-то маргинален, но хорош.

– Оскар Уайльд, Фицджеральд... так-так-так... всё это замечательно, но оно должно с нами заговорить. Да, киса? – Лера гладила котёнка.

– Мураками... Макс Фрай... – Лера замерла. На какие-то доли секунды воцарилась тишина. Вокруг словно замер мир. Я почувствовал, как затихли мои мышцы. Я видел, как затаив дыхание остановилась моя Лера, а на руках не шевелилась кошка, сосредоточив своё внимание на лице своей хозяйки. – Да-а-а! – Наконец выдохнула хозяйка кошки. Тишина прозвучала секунды три, но эти секунды показались, как минимум, минутами. – Японец. У японцев есть прекрасная традиция, давать имена. Будущая мама кладёт свои руки себе на живот и начинает перечислять имена. Её ребёнок, ещё будучи во чреве, выбирает из перечисленного. Реагирует на имя движением. Мама останавливается и даёт ему это имя. Мураками. Нет, кошку не будут звать Мураками... – Лера, улыбаясь, смотрит на меня, потом на кошку.

– «Мой любимый спутник». Название подходящее. – Протягивает руку и достаёт книгу. Дальше начинается церемония.

Нет, Лера не чертила никаких кругов, не рисовала пентаклей, не зажигала свечей, не воскуривала фимиам. Она просто села поудобней в кресло, поджала под себя уютно ноги. И не выпуская из рук кошку, открыла книгу и стала зачем-то проводить пальцем по краю страницы сверху вниз, перелистывала и также поступала с последующими. Мне стало ещё интересней. Я аккуратно подошёл. Стараясь не нарушать процесса, стал следить за Лериной рукой. Ничего не спрашивал, – ждал, когда мне откроют тайну. Хотя сам уже начал догадываться, в чём смысл происходящего. «Не буду форсировать события».

– Ты пытаешься «пропальпировать»⁹ ситуацию глазами? – Спросила Лера, с улыбкой посмотрев на меня.

Я не знал такого слова, но понял его значение и, замахал положительно головой. «Про-пальпировать – наверное, каким-то образом исследовать?» – В доли секунды спросил я себя.

– Смотри, я сейчас тебе всё объясню. Я смотрю на последние две буквы каждой строчки и выбираю подходящие – сочетаемые слоги друг за другом идущие. – Лера поставила пальчик сверху и повела медленно вниз. При этом она начала читать по слогам, словно произнося заклинание: – то-ри... ть-ем... со-то... на-ке... ну-и... по-ни... ла-ми... си-ла... ко-ля... ко-

⁹ Пальпировать, -рую, -руешь; -анный; сов. и несов., что (спец.). Производя медицинское обследование, ощупать (-ывать) какую-н. часть тела. В тексте использование слова пропальпировать большие, как сравнительное с данным методом, относительно предполагаемой ситуации.

нь... – на этом месте Лера усмехнулась, – и продолжила снова: – да-ма... – Лера посмотрела на кошку, я тоже посмотрел на кошку. Она же посмотрела на нас грустными глазами. – Не-ет! Ты не дама! – По иронии кошка сглотнула слюну. Мы засмеялись и вместе погладили её.

– ...му-ра... му-му... – нет, всё не то. Взяв побольше страниц, Лера открыла середину книги и снова затихла, водя пальчиком. Я наблюдал, как её губы шевелились. Мне это показалось привлекательным, и я почувствовал, что в данный момент, я сильно её хочу. Внутри у меня всё закипело, но я старался не прерывать, поэтому держал себя в руках.

А Лера продолжала:

– ...не-бо... чу-ом... чу-до... – теперь она после каждого «слогосочетания» делала отрицательный жест головой, опять затихала и двигала губами, а я возбуждался.

Кошка смотрела на Леру и словно ждала, когда родится её имя. Когда Лера отрицательно качала головой, кошка вторила ей. Потом начала тянуть лапу к её губам, видимо, её тоже они привлекали.

– Надо тебя от глистов избавить. – Сплёвывая, сказала Лера и продолжала искать имя. А я думал, ну, когда же это случится.

– Вот! – Воскликнула Лера. – Ты будешь Тасу. Даже с японского можно перевести: – «спасён». Книжка захлопнулась, а кошка замяукала.

Так Лера нарекла именем нашего «прихлебателя».

А я прижался к волосам Леры и глубоко вдохнул её запах. Этот запах особенный, он устроен из таких феромонов, которые подходят моему обонянию: делают их носителя моим родным человеком, мной желанной. Я целовал её щёки. Целовал её губы. Целовал её шею. Я наслаждался её бархатистой нежной кожей – душистой, словно пропитанной ванилью, цветами, – их я перечислить не могу – не знаю. У меня ощущение, что я могу наслаждаться этим вечно. Вечно наслаждаться этим прекрасным, родным телом, а потом столько же слушать и видеть, как льётся в мой мир и в мир вокруг душа, рекой своей жизни, разделяя и соединяя всё, и расставляя на свои места. Любовь с ней прекрасна. В эти мгновения, больше убеждаешься в том, что секс без любви не есть удел настоящего человека.

Я видел, как Лера не раз помогала незнакомым людям. А сколько раз она заставляла помогать меня. Не то чтобы заставляла, – бывало, я шёл встречать её, когда она приезжала с работы. И уже, будучи на остановке, звонил телефон: – «Ты где?» – « Жду твой автобус...» – отвечал я. —,Иди во двор за остановкой...». Что могло такого произойти? – возникали разные мысли. Тут я видел картину – Лера идёт рядом со старушкой и тащит огромную сумку. «Держи..!» – Протягивала она мне ношу и мы провожали счастливую старицу до её дома. Было таких случаев много. Лера, дай волю, возможности, стянула бы под свою опеку всех животных с улицы и дала бы кров всем бездомным. Не сказать, что я какой-то злой и бессердечный, – добро исходит из меня и за сердце хвататься могу, помочь могу, но Лера... «Ты как мать Тереза.» – однажды я сказал, но потом отправил по телефону сообщение: «Ты мой маленький Будда! Люблю тебя сильно!» – В ответ получил сообщение с полным счастья личиком.

глава четвёртая: к чему мне «бегемот»?

I

Сегодня суббота, Лера поехала навестить родителей, а я остался один, распиная себя с тишиной, со своими мыслями и не причастной ко всем моим погружениям Тасу. Кошка сидела на окне и внимательно наблюдала за снующими туда-сюда птицами. Они явно не давали ей покоя. Она топталась по подоконнику. Будто постанывала, чуть рыча, иногда. Соскакивала и бежала в другую комнату и там запрыгивала на окно.

А я взял книгу, сел в кресло на балконе, закурил «Уинстон» и погрузился в чтение. Прочитав главу, я остановился, закурил ещё одну сигарету и, задумавшись, уставился на брелок, который мне подарила Вера. Брелок лежал на столике возле пепельницы. Я так и не надел его на ключи. Периодически брал его и крутил в руках, когда приходил на балкон покурить. Но только сейчас задумался о том, куда же в конце концов поехала Вера и зачем. Прошло две недели с того дня, когда мы сидели в кафе. Тогда был какой-то необычный день, – мы много молчали, иногда посматривали друг на друга, смотрели в окно, я помню собаку, заглянувшую к нам в кафе. Помню мужчину средних лет, с видом умного и образованного человека, его пузатый портфель. И фотографии на стенах выглядели как-то по-особенному в тот день. А ещё у официанта был загадочный взгляд. А может мне это лишь показалось, – кто его знает, да только у меня остались вопросы и чувство аномального. Не то, чтобы я придал этому именно такое значение, глобально, но тайна ведь появилась. Может быть, это звучит чересчур очевидно, но, когда появляются вопросы – это всегда говорит о появлении тайны. Может, её и не стремятся от вас скрыть, а может, и никогда не расскажут, но всё равно и первое, и второе является тайной.

Посидев ещё немного на балконе, докурил очередную сигарету и пошёл на кухню варить кофе.

Тасу гоняла по комнате скомканный кусок бумажки. Лера ей скомкала и бросила. Котёнок посмотрел на меня, прижавшись к полу, после, увлечённо занялся бумажкой, снова.

– Да-а-а... забот у тебя парень, -хоть отбавляй. – Сказал я обращаясь к Тасу, но потом вспомнил, что она не парень, усмехнулся, махнул рукой и пошёл на кухню.

Пока готовил джезву, чтоб поставить на огонь, подумал о своём отпуске: – уже прошло две недели, а я до сих пор никуда не поехал. Да и жизнь у меня забила в другом ключе. В эту минуту я почувствовал, что стал более счастливым. Раньше я думал, что счастье – это нечто придуманное людьми от их же собственной неспособности занять себя делом. Знаете, как большевики, когда пришли к власти, на аристократию и интеллигенцию говорили: лодыри и бездельники. И депрессия – это не заболевание для них, а плод разбалованности жизнью. Нет, я ни каким местом не отношу себя ни к большевикам, ни к коммунистам (боже упаси). Напротив, я считаю, срать в один туалет всем коллективом и заглядывать друг другу в рот, думая: а не сожрал ли чего лишнего сосед по коммуналке, даже по подъезду, или того дальше – это чистой воды идиотизм. Формирование уравнилельной массы, для меня лично (я думаю, найдётся немало людей, кто мыслит также), это путь в деградацию каждого в отдельности. Забери из этой массы единицу, – эта единица не выживет и недели самостоятельно, тому уйма примеров после конца советской власти. Власть дала всё – масса расслабилась, спокойно вкалывает на заводах и в колхозах, получает свои законные, складывает на сберкнижки и ездит на курорт по путёвке, которую им также спокойно дали. Мозги расслабляются и человека всего этого лишит, – он не будет знать, как жить дальше – для него жизнь кончена. Тот, конечно, кто в момент коллективных напряжений, крутился, – думал, как выйти из этой массы, – его обливали грязью, (называли спекулянт, диссидентом). Он выжил, даже когда эти массы разва-

лились. Только теперь они, себе под нос, за спиной, называют его бандитом. Бандитов тоже хватало...

Пена поднялась, и я налил себе кофе в кружку.

Да, жить с Лерой мне стало гораздо интересней. Две недели, а как будто всю жизнь. Сейчас мне в своей квартире, в которой я прожил три года сам и было всё в порядке, стало пусто. А Тасу, теперь мне напоминала Леру. Они безумно похожи. Нет, Тасу не готовит для меня пасту с королевскими креветками в сливочном соусе, посыпанную «пармезаном»¹⁰ и «Dorblu»¹¹, а Лера не гоняет по комнате смятый кусок бумажки и не скачет с подоконника на подоконник, в надежде, что в этот раз с птицей повезёт. Они, просто, очень сроднились из-за каких-то схожих ритмов. Они, словно, понимают друг друга – говорят на неизвестном мне языке, – может, обсуждают фазы луны, а может Тасу ей намазывает какое зелье Лере варить сегодня. Вот и сейчас, я рассуждаю, а Тасу смотрит на меня своими большими глазками, сдвинув несуществующие губы, – таким образом, её мордочка становится острее. Или всё это – моя фантазия.

Пока я сидел и пил кофе, от сигарет сейчас подташнивало, взял тетрадь, в которой написал недавнее наше с Лерой утро и стал перечитывать.

«Забавное эссе...» – проскользнула мысль.

Усмехнулся, закрыл тетрадь, посмотрел в окно. Стол на кухне стоял у окна вплотную, – я сидел за стол и пока ел, всё время смотрел на небо. Бывало, небо быстро менялось, – плыли облака, вставало и садилось солнце – менялись краски.

Никогда такого не возникало чувства, чтобы мне было скучно сидеть у себя в квартире. Допив кофе, помыл кружку и решил, что надо пройтись по городу.

Не успел я выйти из подъезда, только нажал на кнопку магнитного замка, как зазвонил телефон. Когда достал из кармана, вызов прервался. Посмотрел номер – он был незнакомым, и я решил не перезванивать.

Погода стояла жаркая, ярко светило солнце. Я пошёл по теневой стороне улицы. Обычно, когда я выходил прогуляться, шёл в сквер рядом с домом, а тут решил пройтись, куда глаза глядят. Продолжая утопать в своих мыслях, перебирал в кармане брелок и вдруг поймал себя на том, что прихватил его с собой. Почему я до сих пор у Леры не спросил о её сестре?..

По тротуару были набросаны большие тёмные пятна, по ним редко раскиданы светлые блики. Игра света и тени в яркую солнечную погоду была контрастной и выразительной. Над асфальтом воздух дрожал от накала. По этой улице, сутки, как положили, асфальт, не успев, как следует остыть, прилипал к колёсам, заставляя их шелестеть. Было видно, как люди тяжело дышали от жары. Я глянул на небо – на нём ни тучки. Зашёл в магазинчик, купил бутылку газированной холодной воды. Проходя мимо ветеринарной аптеки, вспомнил про кошку, – Лера ей хотела, что-то там дать от глистов, но так как я не понимал в этом ничего, то заходить не стал. Скорее всего, Лере виднее. На маленькой скамеечке двое пожилых мужчин, бурно обсуждали, какую-то тему, между ними лежала шахматная доска, о существовании которой они по всей видимости давно забыли. «...я, что, напрасно отпахал сорок лет на заводе...» – доносилось до меня, – «...они мне будут рассказывать, чего я не заслужил... вот, это что? Что, просто железка что ли?» Дед тряс орденом на сорочке. Второй был поспокойнее и чаще, лишь соглашался с первым. Я опустил взгляд на землю и увидел шахматную фигуру. Наклонился поднять – это был офицер или слон, – кому, как хочется. Я поднял и направился к собеседникам. Когда протянул им пропажу, две пары престарелых глаз уставились на меня, точно я снизошёл к ним с луны, повременив, удерживая свои взгляды на мне, опустили на шахматного слона.

– Ваше? – Спросил я.

¹⁰ Пармезан – итальянский сорт твёрдого сыра долгого созревания, с ломкой текстурой при высоком качестве.

¹¹ Dorblu (нем.) – Дор блю, марка голубого сыра из Германии. С голубой плесенью.

– Наше? – Спросил один у другого.

– Скорее, да чем нет. – Убеждённо сказал я. – Больше никого поблизости нет, кто бы играл в шахматы.

– Шахматы?! – один удивлённо ещё раз посмотрел на меня.

Я покачал головой.

– Ну, ты чего это? Федь? Мы же играем! – Похлопал один другого по плечу и указал на доску между ними. Тот глянул, махнул рукой и отвернулся. Видно, сильно его расстроило бурное обсуждение. – Спасибо, молодой человек! – Более спокойный старик взял фигуру и поставил на доску. – Вы играете?

– Люблю, но играю крайне редко. То некогда, то не с кем.

– Конечно! Сегодня люди перестали общаться. Они окружили себя модными вещами и техникой. Им интересно, знаете ли, в компьютере, нежели с живым человеком. А вот в наше время...

Он мне рассказывал, а я ушёл в свои мысли. Одна и та же история. Наше поколение тоже будет ворчать на молодых, так, стало быть, заложено, так должно быть по природе. Старики грустят по своей молодости, вот так и получается, – я так думаю. Я извинился, сказал, что тороплюсь и пошёл дальше. Я никуда не торопился. Отчасти, старик прав, мы все в себе, но это не проблема, какого-то одного поколения, это проблема людей в целом. Старость же не видит в молодости себя – своих поступков – от того и ворчит.

Пройдя два квартала, я увидел большое скопление людей. Подойдя ближе, услышал, что кому-то стало плохо. Попытался заглянуть в середину. Передо мной немного расступились, словно ждали именно меня. На какой-то момент я почувствовал себя не в своей тарелке, но бросил взгляд на виновника этого собрания. И узнал в нём человека, которого видел тогда в кафе, когда мы сидели с Верой, а он пил кофе с коньяком. И сейчас возле скамейки стоял пузатый потёртый портфель. У меня сильно сжалось сердце, и навалила грусть, как если бы передо мной лежал на скамейке очень близкий мне человек, а я его теряю.

– Вода у кого-нибудь есть?

У меня в руках была прохладная мокрая бутылка. Я её даже ещё не открывал. Подошёл ближе, достал из кармана платок, смочил его, отжал и положил на лоб. Никто не догадался расстегнуть пуговицу, ослабить галстук.

– Скорую вызывали?

Люди галдели. Я достал телефон.

Человек лежал еле дыша. Глаза были приоткрыты, он мне пытался что-то сказать. Смотрел на меня и переводил с трудом глаза в сторону. И я понял, что он мне пытается указать на карман. Я сунул руку и достал какие-то таблетки. Распаковав две, сунул ему в рот.

Когда приехала скорая помощь, человек уже пробовал сам встать, но ему не дали. Положили на носилки, и карета скорой помощи увезла его. Я успел поинтересоваться, в какую больницу его везут. У меня спрашивали, знаю ли я этого человека, его родственников, – нет, я, конечно же, не знал.

Спустившись в ботанический сад, через две улицы от того места, где я спас человека, стал бродить по узким его аллеям. Посидел на трёх лавочках, выкурил несколько сигарет, думая, какая всё-таки жизнь, будучи потрясён происшествием. Надо навестить этого человека, сегодня же вечером надо навестить.

Зазвонил телефон. Экран констатировал, что это Лера.

– Привет, родненькая! – Немедля, я запустил слова в трубку.

– Привет, любимый! Как ты там без меня? – Отозвалась мягко Лера. – Я по тебе скучаю!

– Я тоже без тебя не на месте. Впервые мне не сидится дома.

– Ты гуляешь?!

– Да. Я в ботаническом саду. – Потом я, на какой-то момент, задумался, а Лера рассказала мне, как провела полдня с родителями. После, я – как спас человек.

– Представляешь, я его когда-то видел... – в моменты пауз, я копался в своей голове, стараясь достать из неё всё важное, чтобы поточнее изложить воспоминание.

– Это, получается, недели три назад?

– Ну, да. Мы тогда с твоей сестрой в кафе сидели...

– Там, где не оказалось морковки? – Оборвала меня Лера.

– Да... – меня это «улыбнуло». – Ты мне скажи, где Вера? – Решил я, наконец, спросить.

– А она тебе, что, не говорила? – Удивлённо спросила Лера.

– Она-то говорила..., сказала, в Африку собралась! Только куда? Зачем ей это надо?

– Никто не знает. – В Лерином голосе поменялась интонация. Я почувствовал какое-то напряжение.

– Тебе не нравится, что я об этом заговорил? – Попытался я охладить возникший накал. У меня появилось ощущение, будто Лера занервничала.

– Если тебе не нравится, я не буду спрашивать об этом.

– Это будет нехорошо. Она ведь твой друг. – Её голос стал более расслабленным и мне стало легче.

– Мне показалось странным, что она ни с того ни с сего надумала уехать. Причём заговорила об этом спонтанно. – Я достал сигарету, закурил. Сделав затяжку, продолжил. – Это, конечно, не диковинка какая, что твоя сестра так поступила. Она всё делает неожиданно.

– Это по-её! Если она себе вбила что-то в голову, то ничего ты с этим не сделаешь. Родители перестали с ней спорить. Я тоже не подарок. Когда мы были маленькими, часто спорили между собой, дрались и друг другу не уступали. Родители вечно нас разнимали, нам обеим доставалось по первое число. Потом во мне что-то переключилось, я вдруг увидела, какие мы с сестрой разные. Я стала видеть в Вере ребёнка, который категорически отказывался взрослеть. Только выглядело это смешно. Но я люблю свою сестру.

– Так, как ты думаешь, зачем ей понадобилось куда-то ехать? По-моему: она выглядела достаточно счастливой...

– Это здесь ни при чём. – Перебила меня Лера. – Вера абсолютно счастливый человек! Просто ей постоянно нужен экстрим. Если я боюсь высоты, то она уже десять раз прыгнула с парашютом (может и больше).

– Ладно! Понятно. Пусть развлекается. – Сам говорю, что понятно, а внутри переживаю.

– Слушай, Макс, а Вера тебе флэшку давала?..

«Какую?» – Лерин вопрос был прерван моими мыслями.

– ... она тебе хотела отдать флэшку. Всё время об этом твердила.

– Нет у меня никакой флэшки...

– Ну, подожди! Насколько я помню, она у тебя валялась на столике в балконе... – и вот здесь до меня начало доходить, – брелок «бегемот».

– Брелочек в виде бегемотика.

– Я уже понял. Но, что там – какая информация?

– А вот этого я сказать не могу потому, что не знаю. Может там есть что-нибудь о причине отъезда?

– Мне кажется, что нет. Накачала каких-нибудь фильмов, книг.

– Хм... может, не знаю. Ну ладно, Макс, я вечером позвоню. Родители зовут.

– Хорошо, давай тогда до вечера...

Я взял брелок, покрутил его в руках и рассоединил на две половинки. Бегемот на самом деле оказался флэшкой.

Посидев какое-то время в ботаническом саду, выкурив ещё две сигареты, – начинаю понимать, что курю последнее время слишком много. Поспешил домой. Надо посмотреть, что же оставила Вера на «бегемоте».

Подходя к квартире, я услышал, что «прихлебатель» мой желает быть услышанным всеми жителями нашего подъезда. Я подумал в тот момент – сидит кошка под дверью и разоряется криком. Открыв дверь, я увидел картину: – Тасу не сидела на полу, она висела на ручке двери. Надо было ей додуматься до такого?!

«Ты что творишь, Тасу?» – Я взял кошку на руки и зашёл в квартиру.

Меня разбирало любопытство. Быстро включив компьютер, вставил флэшку. На ней было два документа. Первый документ я открыл – это была музыка, – по большому счёту вся мне знакома (несколько композиций Людовико Эйнауди, пару вещей Яна Тирсона, из харда: Мотли Крю – старое, из нового: «PLASEVO» и много «АКВАРИУМ» – русский рок. Полез во второй документ – это видео. В начале заставка: «Выбежала Вера с большим листом бумаги, развернула на уровне груди, улыбнулась. На плакате надпись: «Я и моя семья...» – да, почему-то с многоточием.» Кстати, я сразу понял, что это Вера, – их внешности с Лерой, теперь, для меня различимы. Или я, скорее, так их воспринимал, нежели видел (я ведь их рядом не ставил). «Затем Вера ушла за кадр, а плёнка, словно оборвалась и всё зарябило. Но прошло секунд пятнадцать и пошла следующая запись. Кадры были старые, я такие помню на кинопроекторе у своих родителей, (там я ещё маленький, а родители – моложе, чем я сейчас). Надпись на экране: «Мне двенадцать дней!». И вот какие-то люди, – мне они совершенно не знакомы, – выходят из роддома. К ним подходят другие люди, дарят цветы, целуют, пожимают руки. Все улыбаются всем хорошо, весело. Сели в машину, уехали. Видимо всё подряд не снимали и «слава богу». На окне стоял цветок, кто-то решил его снять на камеру. Надпись: «Мне полгода». Маленькая Вера ползёт по полу, к ней присела девушка, – по всей видимости, это её мама. Папа скорее всего выступал в роли оператора. На фоне звучала музыка, какая-то «инструменталка», голосов слышно не было. Вера, видимо переделала видео с плёнки в цифровой формат.» Только зачем она мне это дала? Ну, ладно, буду смотреть дальше: «В общем, мама с дочкой поиграл на полу, мама встала и ушла за кадр, появился, я так думаю, папа. И теперь, по логике, за камерой мама. Папа, усевшись на пол, взял дочь на руки и что-то начал ей рассказывать, показывая пальцем в камеру...». А я уже начал уставать от этого просмотра.

Видео продолжало транслироваться, а я пошёл на кухню. Заглянул в холодильник, взял бутылочку припасённого пива и пошёл опять в зал. Отхлебнув глоток, уставился на экран. Возраст девочки был уже другой. «Она не только стояла, ходила, – она бегала и кричала, о чём-то рассказывала. И в этот раз, кто-то снимал всю семью...». Теперь мне стало интересно: какой возраст? Потому, что должна появиться на свет вторая девочка – Лера. Я ещё долго смотрел, как бегают по улице Вера. Но на экране появилось: «Мне пять лет». «Веру держал за руку папа. Камера приблизилась к лицу Веры, затем лицо её папы. Вокруг была природа. Камера снимала костёр, мангал с шашлыками, речку.» Мне же показалось, я видел где-то лицо папы... вернул на то место, где камера позволяла близко рассмотреть отца. Особенно глаза были очень знакомы.

Возраст Веры менялся, – на экране росли числительные, указывая на её взросление. А Лера так и не появлялась. Становились старше и родители, о которых я совершенно ничего не знал. Я настырно всматривался в лицо, в глаза, в черты её отца. Но никак не мог понять, где же мог его видеть. Медленно отпивая пиво, я напрягал «мышцы памяти», – «вес упрямо не брался». Не разобравшись до конца, поставил на паузу. Допил пиво и пошёл в туалет.

Тасу спала в кресле, свернувшись калачиком, подложив одну переднюю лапу под морду, вторую странно вытянув.

Позже досмотрю. С какой целью Вера дала мне это видео?

Вышел из туалета, пошёл на балкон. Усевшись в любимое кресло, достал сигарету. Долго крутил её в пальцах, мял, клал между губ, потягивал без огня. И всё время думал. Мне захотелось разобраться, кто такие эти две сестры. Они очень сильно похожи одна на другую при первой встрече. Но потом понимаешь, насколько разные. Я не видел их вместе, – было бы интересно посмотреть на них, – мне кажется, они будут не похожи. Они и так погодки, в принципе это нормально в таком случае иметь лёгкое сходство. Даже близнецы бывают разные...

Мне кажется – я себе наживаю «горе от ума»!

Воспламенилась в руках зажигалка и подарила часть своего огня кончику сигареты, она же с треском, благодаря моим лёгким, потянула, порождённый этим соитием, дым, а он заполнил пространство под моей грудной клеткой. Задержав дыхание, я дал осесть смолам на стенках моих дыхательных резервуаров, а, затем медленно выпустил на свободу едкой струей, постепенно растворившейся в пространстве балкона. Стало туманно. В этом тумане я сидел, пытаюсь перестать думать. Я вспомнил мужчину с пузатым портфелем, как ему сегодня было плохо, как три недели назад он пил кофе с коньяком. Как смотрели его глаза на меня с надеждой. Вспомнив, в какую больницу его отвезли, решил навестить.

II

«Что я здесь делаю?» – Такая мысль у меня возникла, когда я стоял возле регистратуры, пытаюсь объяснить старшей медсестре, зачем я сюда пришёл. Сейчас подумал, что напрасно выпил бутылку пива, теперь от меня пахло, пусть лёгким перегаром, – надо было хотя бы кинуть в рот жвачку, но у меня не было её при себе.

– Молодой человек, вы кем являетесь этому мужчине? – Спросила у меня медсестра. – У человека инфаркт! Вы это понимаете?!

– Девушка, я знаю! Я вызывал скорую помощь...

Мимо проходил врач.

– Что здесь происходит?

– Молодой человек хочет посетить больного... – поспешила доложить медсестра.

– Ну, так какие проблемы? Пусть посещает. – Сказал врач, посмотрев сначала в глаза старшей медсестры, – гордо отстаивавшей покой больного, – перевёл взгляд на меня.

– Но он, – медсестра указал в мою сторону жестом головы. – даже имени человека не знает.

– Как же вы собираетесь навестить человека, которого не знаете? – Обратился ко мне врач, но так, как был озадачен своим делом, то быстро глянув на меня, снова уткнулся в бумаги.

– Просто знаете, так получилось, – начал я объяснять. – Вышел я сегодня на прогулку. И пока брёл, куда глаза глядят, увидел столпотворение, – люди, человек десять, окружили одну из лавочек. Подойдя, я увидел, что на лавке лежит и еле дышит мужчина. Никто не вызвал скорую..., никто не подал ему воды... у мужчины были в кармане таблетки, но он их не смог достать. Все только причитали, – кто-то назвал его алкашом, а он не алкаш... я успел только спросить, в какую больницу его увозят.

– Это не из двадцать пятой палаты? – Теперь врач обратился к старшей медсестре, а та, лишь успела кивнуть головой. – Ну, ладно, добрый самаритянин, пойдём. Если бы он был в реанимации, до сих пор, то, конечно, туда ни ногой. Халат наденьте. – Указательным пальцем, ткнув на вешалку, он перевёл глаза на мои ноги. – И бахилы у Оксаны Николаевны возьмите. Только побыстрее, у меня ещё куча больных! – Потрусив историями, врач попытался дать понять, что его слова подтверждены на бумаге. Я поторопился.

Пройдя по коридору, дважды повернув направо и один раз налево, мы оказались в кардиологическом отделении. Не люблю я находится в больницах, они на меня нагоняют, чувство похожее на депрессию. Почему похожее? – Просто я никогда не страдал депрессиями и могу сказать приблизительные ощущения. Я наблюдал, как моя бывшая жена, – однажды такое слу-

чилось – я женился... – впадала в осенние депрессии, которые сопровождалась загулами – ей в эти моменты, как кошке по весне, а ей по осени, не хватало любви или, попросту говоря, тянуло где-нибудь потрахаться. На её лицо было страшно смотреть, казалось, весь мир перед ней виноват, а я, в особенности, я, вдруг, переставал быть для неё мужем, – а она такая ах... «какая жена!» Но были более страшные моменты, когда депрессия становилась скрытой. Она улыбалась, по дому летала, как бабочка, вечером бежала «попить кофе с подругами», приходила поздно ночью домой, более цветущая... – позже я стал понимать, что поспособствовало её цветению и мне делалось не по себе, делалось противно. Как-то она ушла гулять и пришла всех ароматов (смесь курева, алкоголя и потрахавшейся человеческой сучки). Короче, брак продлился пять лет, – зачем? – не знаю. Почему я вспомнил о ней, никто больше из моих приближённых в депрессию не впадал. А я, глядя на больничную атмосферу, чувствую дискомфорт, и «свинец наливает ноги», где-то под коленками. Особенно, когда вижу капельницы, катетеры и прочее, введенное в тело. Даже слово больница говорит, что в ней болеют, а не лечатся. Я сжимаюсь и тихо следую за врачом, который ведёт меня к больному.

В палате было три кровати или койки, как в больнице принято называть, у каждой кровати тумбочка, на всех один стол, рядом стул и раковина. Выглядит, на мой взгляд, всё очень печально. Недавно в больнице сделали плановый ремонт, то есть всё на скорую руку, говорить о высоком слове дизайна и мысль не приходит, так – чистенько. Да и то, слава богу! Заходил в частные клиники, – если не приноживаться, то сразу и не замечаешь, что попал в больницу, – схожесть с центром красоты. Почему больницы не приведут в порядок таким же образом, чтоб хотя бы впечатление оказывалось не агрессивное. С нашими больницами не поспоришь на тему: кто более подавляющий.

Одна кровать была пуста и зияла голой ничем не застланной сеткой. На этой кровати лежал скрученный роллом матрац.

– Я думаю, дальше разберётесь, – оборвал мои мысли врач.

– Спасибо!

– Только недолго. И..., я думаю, вы терроризировать никого не будете? – Врач усмехнулся и ушёл по своим делам.

«Можно сказать, я похож на мучителя?! Хотя истинные маньяки и серийные убийцы, именно, самой, что ни на есть, заурядной внешности».

В палате было двое больных, один лежал, разгадывал кроссворд и на меня посмотрел лишь еле заметным, полным отсутствия какого-либо интереса, взглядом. Второй лежал, отвернувшись к стенке, он никак не реагировал на моё появление в палате. Я решил заговорить с человеком, который водил карандашом по клеткам, пытаюсь достать нужные слова из своего запаса.

– Простите, пожалуйста! Ваш сосед спит? Не знаете?

– Не знаю! – Коротко начал человек, но от своего увлечения не отрывался, продолжал считать клетки. – Наверное, спит, если не реагирует. Хотите, подождите, когда проснётся, хотите, попробуйте разбудить.

Будить я человека не хотел, в моей голове возникла мысль: «а может я напрасно пришёл?»

Я взял стул, поставил возле кровати и сел. Изредка человек с кроссвордом бросал на меня косой взгляд, затем, то ли не выдержал, то ли ему на самом деле понадобилось выйти, – глубоко вздохнув, он встал с кровати и покинул палату. Прошло минут пятнадцать, – я посматривал на часы, периодически поднимая руку – единственное движение, которое, мне казалось, я делал. Я начал чувствовать себя идиотом. Просидев ещё немного, почувствовал, как моя голова тяжелеет. Я очнулся, когда моя голова пыталась подбородком лечь на грудь, – я уснул. Человек уже не спал, а лежал и рассматривал меня.

– Спасибо вам! – Встретил меня словами мужчина. – Я помню вас, хоть мне и было не до того, чтоб кого-то рассматривать, но вас я помню.

Я лишь кивнул головой.

– Я тут вам принёс фрукты.

Человек посмотрел на пакет.

– Вы единственный мой посетитель... ну, за исключением врачей и медсестёр. Они меня не забывают. – Как вас зовут?

– Макс...

– Просто Макс?..

– Просто Макс.

– Не совсем ли просто?..

– Я не считаю, что просто, – я считаю – это удобно и по душе.

– Я, знаете ли, другого времени человек и представился бы вам: Николай Сергеевич, но вы во мне что-то переключаете. Я вот смотрю на вас, вы мне кажетесь, может я ошибаюсь, не причастным к современной молодёжи...

– Ну, мне далеко не всё нравится, чем увлекается молодёжь, наверно потому у меня нет таких друзей, с которыми я пускался бы во все тяжкие...

– Николай. – Ко мне протянулась весьма крупная и крепкая рука. И я ответил тем же.

Сейчас передо мной был совсем не тот человек, которого я видел три недели назад в кафе, – это был тот же человек внешне, но внутренне совсем другой.

– Знаете, Николай, а я вас видел три недели назад...

– Где?

– В кафе «Каштан».

– Да, припоминаю. Нет, вас я не помню, а как был там, помню. Вы же не подумайте ничего...

– А я и не думаю, – оборвал я Николая.

– Я редко хожу по всем этим местам.

– А мне там нравится. Захожу частенько, посидеть. Там редко бывает много народу, – это может и не на руку владельцу, но мне это очень подходит. Не люблю шум. Его на работе хватает.

– А кем вы работаете? – Спросил Николай.

– Экономистом в одной фирме, по совместительству бухгалтером, там же.

– Ну, и, как? – Без заискиваний задал вопрос Николай.

– Я изначально не любил эту работу.

– Почему же тогда работаете? Почему не смените?

– Бог его знает... Наверно, не решил пока на что-то сменять.

– Никогда не решите, если резко не сорвётесь.

– А что потом?

– Потом? Оно придёт само. Я так понимаю, вы неженат?

– Был, – развёлся. Сейчас с девушкой живу.

– Важно то, что вас, Макс, по сути, не сковывает быт. – Он сделал паузу, затем продолжил. А я думал: к чему всё это? А с другой стороны, ну о чём нам ещё разговаривать. – Я всю жизнь проработал преподавателем... – я на это не заметно улыбнулся, но был замечен. – Вы улыбаетесь...

Я же поспешил дать ответ:

– Когда я вас увидел, так и подумал, что вы преподаватель.

– Так вот, большого удовольствия я не получил от жизни, – как бы печально и нелепо это не звучало. Да, я сказал: от жизни, не от работы, потому, как мы отдаём своей работе большую

часть времени. И теперь, как вы думаете, Макс, – на моём имени, он делал всегда паузу, словно ему было не по себе, – стоит тормозить?

Николай ждал от меня ответа, а я просто слушал его. Сказать мне было нечего, но глубоко в себе я соглашался с ним. Он же продолжал:

– Чем вы раньше начнёте менять свою жизнь, тем больше у вас будет шансов стать счастливым. – Я вспомнил, как мы с Верой разговаривали про счастье, когда Николай разбавлял кофе коньяком. И вспомнил, что я думал о себе – оценивал уровень своей счастливости.

– Пока вы молоды, вам это будет казаться пустяком, – подумаешь работа, главное личная жизнь. Но и она напрямую оказывается связанной с вашей работой. Я тоже думал, призвание – пустяки, важно то, что я перед страной чист, а выходит так, что я стране своей не нужен. Нами пользуются, Макс, и мы должны допуская это, доставить себе удовольствие, хотя бы маломальское, а желательно, как можно большее.

По большому счёту сказать, Николай прав, мы много времени тратим на ненужное. Ну, а даже если я брошу работу, что дальше? Чем я займусь?

– Вы кем-то сильно хотели стать?

Мне кажется, уже поздно становится тем, кем я хотел стать. Там учатся, по сравнению со мной, дети. Вот я сейчас туда припрусь...

– Напрасно вы так думаете! – От этого возмущения я напрягся... – я не читаю мысли, даже если вы там что-то и подумали – это чистой воды совпадение, но учиться никогда не поздно. Ведь вы об этом подумали? Я наблюдал за одним студентом. Не сказать, что мне моя работа совсем не нравилась, просто большие желания мои были в другом направлении. А студенту тому было семьдесят два года. Поступил он в наш институт на филологический. Хотел ли он открыть для себя большие знания русского языка и литературы? – Глядя на него и с ним общаясь, я понимал, что старик был достаточно начитан и, к примеру: «Войну и мир» мог пересказать чуть ли не наизусть. Мы с ним сдружились, и он меня приглашал в гости. Его дом, в прямом смысле слова, был завален книгами. Какого автора там только не было... – можно найти на любой вкус. Я спросил его что он любит читать больше всего, – он ответил: книги. Если вот так, просто не зная человека спросить об этом и получить такой ответ, то для себя поймёшь, что человек вообще в руках книг не держит.

– А что же всё-таки побудило его пойти вдруг учиться? – Форсировал я.

– Сейчас всё будет. – В момент этих слов я подумал, что засел здесь надолго. – Или вы спешите?

– Нет-нет! – Как мистика какая-то. Но скорее всего, чисто профессиональное, а не чтение мыслей.

– Оказывается, старику не хватало в жизни побыть студентом. Да, кстати, такое бывает, – человек закончил пять классов, дальше война, нужда, необходимость работать с малых лет. Но он не выпускал из рук книги. Позже пошёл в вечернюю школу. А в институт поступил, будучи стариком. Он был счастливым человеком. И, наверное, как все счастливые люди, он, совершив свой путь, лёг спать и не проснулся. Хоть умер он, так и не окончив институт, но я думаю, что всё же он путь совершил. Я узнал, что у него большая семья – семеро детей, шестнадцать внуков и три правнука. А ещё поразился тому, что они знали меня и все книги, которые собрал старик, отдали мне. «Отец, ещё при жизни, рассказывал о вас, настаивал на том, чтоб библиотеку вам отдать.» – Говорил старший сын.

В палату вошла медсестра.

– Молодой человек, больному нужен покой.

– Я себя превосходно чувствую. – Улыбаясь медсестре, сказал Николай.

– Знаем мы вас таких. Днём бодрые, а ночью откачивай вас.

– Может, я и правда пойду?

Николай глянул на меня, проникновенным взглядом, точно, он желал уйти со мной. Он достал ручку и блокнот. Что-то в нём написал, вырвал лист, свернул и отдал мне.

Я шёл по улице и думал обо всём, что говорил мне Николай. Довольно странная беседа вышла. Хотя для человека его возраста, подобные разговоры уместны, а если он ещё живёт один, становится понятным то, что во мне он нашёл человека слушающего.

Взглянул на часы, – было полшестого.

Подумал о том, что мой отпуск подходит к концу. Ещё какие-то четыре дня. Но если я сейчас брошу работу, чем займусь?

Наша фирма ничего не производила. Фирма занималась самым банальным и самым вредным: спиртные напитки, табачные изделия. Закупали довольно крупным оптом и продавали более мелким, – развозили по малым оптовым складам и по некоторым местам розничной торговли. Правда, захватили рынок на две области. Моя задача? В подробности вдаваться не буду. Но скажу, что ничего интересного в этом нет. Бывает мне даже сняты цифры и не сданные отчёты. «...вот получишь специальность и становись, кем хочешь...» – это слова родителей. Может и настал тот момент.

Я сунул руку в карман и вытащил листок. Николай дал свой номер телефона. Мне вспомнились его глаза, но кого они мне напоминали, я вспомнить не мог. Нет, отец Веры тут ни при чём.

III

Что хотела сказать Вера, отдав мне флэшку? – Я понять не мог. Может во мне не хватало дедукции. Просмотрев больше половины видео, я не видел цели смотреть дальше, но что-то мне подсказывало, что я должен досмотреть до конца.

Просмотрев два часа съёмки, я лишь видел, как взрослеет девочка. А завершением видео, стал выпускной. Далее – шипение и рябь на экране. Я собрался было выключать, но неожиданно последовало продолжение. Я же уже обрадовался, что всё, насмотрелся, но нет, опять. В кадре появилась Вера. Она сидела за столом. Эту Веру я уже знал. Было видно, что этот монолог она записала недавно: «Привет, Макс! Тебе всё это, может, показалось странным, а прослушав меня, возможно запутанным, а возможно, услышав мною сказанное, ты и вовсе не захочешь париться по этому поводу. Много времени я не займу. И так я начинаю: «Может быть ты и не понял суть видео и сказал про себя: – к чему это? – Но смысл есть. Я думаю, ты заметил, что вторая девочка так и не появилась. Моя сестра об этом видео знает, но лишь на папином кинопроекторе. Не знает, что я его переформатировала. Нет, не подумай, я монтаж не делала. Приписала только себя вначале и в конце. Почему Лера до сих пор не задалась вопросом? – Непонятно. Она всегда была более наивной и принимала жизнь, как удовольствие. Я тоже сторонница такого взгляда, но не на всё же надо так смотреть. У нас были разные споры, как и у всех детей, но мы вполне друг с другом ладили. Нам, бывало, попадало по первое число за наши неожиданные, горячие разборки и мы стояли по разным углам. Нас ставили в разные комнаты потому, что в одной комнате мы продолжали дебаты. Лера всегда выходила из угла первой, а я продолжала стоять. Родители говорили: – Вера у нас будет стоять «пока рак на горе не свистнет». Ко мне не раз подходили для разговора, но я молчала. Была я весьма упёртым ребёнком и, наверно, такой и осталась. Мне и сейчас говорят: – когда ты повзрослеешь? – Но я давно повзрослела. Только родители не хотят признавать это. Для них повзрослела Лера, которая научилась во всём с ними соглашаться. Я так не могу. Я люблю свою сестру! И родителей люблю! Просто хочу кое-что объяснить, поэтому перед тем делаю такое вступление.

Хотелось бы, чтоб ты заметил в этом видео определенные недостатки, и кто на самом деле на нём. Но даже, если ты не заметил, то я расскажу».

Лера говорит на Веру, что она ребёнок, а Вера говорит на Леру, что она дитё. Я улыбался. А Вера на видео продолжала: «Да, у меня есть сестра...» – Вера, на тот момент, и представить себе не могла наших с Лерой отношений. А если я не знал о существовании её сестры, то какие недостатки я должен был заметить на записи? Вера решила мне забить голову? – «...я тебе, Макс, про неё ничего не рассказывала. Да нам и без того было о чём поговорить. Я не смогла тебе всё рассказать при встрече. Оставив тебе брелок, я оставила тебе ответ на вопрос, почему я уехала и, куда. Я в какой-то момент хотела большего от тебя, но так сложилось, мы остались друзьями. Сейчас я этому рада потому, что у меня кроме тебя больше настоящих друзей нет.

Я родилась в Амурской области в одном маленьком городке, который называется Сковородино. Папа работал на железной дороге, а мама на почте. А родилась я не одна. Следом за мной вышла на свет моя младшая сестра, – разница у нас получилась чуть больше пяти минут...“ – Но, а как же год разницы между Лерой и Верой? – молча рассуждал я. „...многое мне не известно, но кое-что я накопала. Дело в том, что спустя год родители решили поехать на заработки. Накопив ранее денег, сделав документы, они нас с сестрой оставили на попечение бабушке с дедушкой (мамины родители) и уехали в Грецию. Договор был таков, что через полгода они вернуться. Когда они уехали второй раз на полгода, поездка затянулась. От них не слышно было ничего, – ни писем, которые регулярно из почтового ящика доставала бабушка и демонстративно вскрывая конверт, нас при этом беря на руки, с дедушкой читали по очереди, ни звонков по телефону, которые совершались еженедельно.

В Греции первые полгода, родители работали на виноградниках. Потом папе предложили работу в одной строительной компании, а мама пошла работать сиделкой. Подробностей я не знаю, поэтому говорю обрывками.

Родители тогда не вернулись...

Время шло, тишина продолжалась. Бабушка ходила словно безликая, а дедушка её успокаивал, сам же был не на месте. «Вот так съездили на заработки! Говорил – на север надо было ехать, наша земля, как ни как!» – Причитал дед, думая, что бабушки не было рядом. Но она услышала, он тогда стоял на кухне, мыл посуду. Услышав за спиной движение, обернулся, – бабушка стояла и плакала; вытер руки, поспешил её обнять. Мы с сестрой сидели за столом на кухне. Дедушка нам налил молока, поставил тарелку с пряниками, сам занялся посудой. Я помню, как сестра смотрела на них и у неё катились слёзы. Я не думаю, что она плакала по той же причине, что и бабушка, – мы не думали, где родители – это я могу сказать точно. Когда родители приехали первый раз из Греции, мы с сестрой смотрели на них, как на чужих людей, – такое бывает у детей. Мама, конечно, расстроилась, а что она хотела...?

Прошёл год – год тишины в нашем доме. Дедушка поначалу не включал телевизор, потом смотрел очень тихо. Бабушка молча занималась домашними делами или тихо вязала в своём кресле. Нас на произвол судьбы не оставили. Сестра чаще была рядом с бабушкой, а я не отходила от деда. Сестра что-то вязала, – её учила бабушка. Я этим не интересовалась, мне нравилось наблюдать, как дед занимался своими делами, читал, смотрел футбол. Все будто смирились с пропажей. К кому обращаться? – Никто не знал.

Но вот раздался звонок в дверь. Кто бы это мог быть? Бабушка с дедом переглянулись, и дед пошёл к двери. Раздались возгласы, – дед кого-то приветствовал, тот приветствовал деда – оба радовались друг другу. Приехал родной брат дедушки, – старший, разница у них в пять лет. Он знал обо всём. Тогда у них был долгий разговор в закрытой кухне. Чем он закончился, я не знаю! Помню только, что дедушка со своим братом стали уезжать куда-то рано утром и приезжать поздно вечером. Сестра продолжала не отходить от бабушки, а я маялась без деда, иногда заглядывая, чем занимается бабушка. Так прошла неделя. А может и больше. Я дедушку видела лишь утром.

Для нас с сестрой остались одни загадки. Но на то время мы никакими вопросами не задавались.

Прошёл ещё один год. Однажды вечером мы, как обычно, сидели при своих делах. Я сидела рядом с дедушкой, он слушал новости. Я, обхватив дедову руку, сидела, прижавшись к нему. Вдруг он тяжело задышал и схватился за грудь. Я испугалась. Стала спрашивать дедушку, что с ним случилось, но он не отвечал. Я позвала бабушку. Она побросала спицы и начала приводить деда в чувства, но он оставался всё в том же состоянии. Бабушка схватилась за телефон, вызвала скорую помощь. В трубку она с чем-то согласилась и побежала на кухню, принесла коробку с лекарствами. Что-то достала и попыталась положить деду в рот. Я всё, что сейчас помню, это беготню по дому, – приехали люди в белых халатах. Мы с сестрой сидели, прижавшись друг к дружке, – сестра дрожала и у неё катились слёзы. А я подумала: «Почему у меня нет слёз? Мне что, совсем не жалко дедушку?» – Жалко! Просто меня тогда словно сдавили, я сидела тихо и беззвучно. Наверное, из-за того, что сестра наплакалась, она быстро увлеклась своими заботами, а я ещё долго сидела, словно в туманном «Альбионе», боясь пошевелиться. Дедушку увезли в больницу. Бабушка пообещала, что он скоро приедет домой, но он всё не ехал. Наша бабушка никогда не носила на голове платки, а тогда повязала платок чёрного цвета и, я не помню, чтоб она его снимала. Достала из фотоальбома дедушкин портрет и уголок перемотала чёрной бархоткой. Я не понимала всего этого тогда, лишь чувствовала, что случилось что-то неприятное, отчего сильно щемит в груди и становится невыносимо грустно.

Я не задала ни одного вопроса бабушке. Я видела, как ей плохо, что она часто плачет на кухне, пытаюсь не показать этого нам. Но мы приходили и обнимали её, она обнимала нас и говорила, что всё будет хорошо. Но хорошего ничего не было. Приехала старшая сестра нашей мамы, тётя Нина. Бабушка о чём-то её просила, тётя, кивая, соглашалась с ней.

Мне было три года, когда я первый раз полетела на самолёте. И мне было не понятно почему с нами не полетели бабушка и моя сестра.

Вот так, покинув Амурскую область, я прилетела на Украину.

Я пыталась спрашивать у тётки, почему мы оставили бабушку с сестрой, но меня сразу же старались отвлечь. Видя такую реакцию, я перестала задавать вопросы и стала просто жить. Однажды тётя меня посадила рядом с собой и сказала: «Хочешь, называй меня мамой...», – так как я свою маму не помнила, то особого труда мне это не составило.

У моей тётки была дочка – моя двоюродная сестра. Она моложе меня на один год. Мы с ней оказались очень похожи. Лера сразу пошла мне навстречу, обрадовалась мне, и мы стали ещё и очень близкими. Это моей тётке и её мужу понравилось.

Да, Макс, на записи моя сестра Лера. Я знаю, она к тебе равнодушна и не решалась со мной об этом заговорить. Она думала, что у нас с тобой роман, но я ей сказала, что мы с тобой просто друзья и, если она хочет, пусть действует.

А я уехала в Амурскую область. Хочу для себя решить загадку моей жизни. И на тебя хотела положиться, как на друга. Постарайся, чтоб эту запись не видела Лера. Спасибо тебе, Макс!»

Экран потух, а я ушёл на балкон. Время было два часа ночи. Уселся в кресло, закурил, сделал глубокую затяжку, глядя сквозь стекло в ночное небо, выпустил дым.

Глава пятая: «индустрия сна»

Отряхивая от дождя зонт, Лера вошла в квартиру.

Я остаток ночи просидел на балконе пережёвывая мысли. Как всё-таки может сложиться жизнь одного человека, – сколько напутанного, и витиеватого может выйти из одной судьбы. А если сплетутся несколько судеб, если несколько жизней возьмут на себя ответственность быть связанными друг с другом? – Не будет ли это, чёрт возьми, для кого-то сумасшествием, не будет ли помрачения рассудка того, кто заглянет хоть на часок в ту тайную комнату? – А может ему будет всё равно и ничто тогда не удивит его и без того искушённый разум. А, быть может, и так, что рассудка не хватит понять, что же там происходит. Или он, как культурный зритель, но очень любопытный, аккуратно приоткроет дверь, незаметно посмотрит и незаметно уйдёт, и будет знать – туда можно вернуться снова и подсмотреть. Кому-то будет просто наплевать, – ему хватает своих баталий или просто тихой спокойной жизни без лишних нервов. Но найдётся и тот, кто надругается над чьей-то жизнью, разнесёт сплетни, словно кинет тряпку на всеобщее обтирание, не задумается, что сломал чью-то судьбу лет этак на (N... дцать). И есть люди, – скорее всего, на тысячу их один, кто осмелится проявить сострадание... Только надо ли это тем (страдающим)?

В дверь балкона постучала Лера. Раскрыв нараспашку, дохнула на меня свежим дождём. С часов трёх ночи лило. Я притащил плед и, укутавшись в него, сидел в своём кресле, слушающая ритмы срывающегося на землю неба. Периодически проваливаясь в дремоту, а может, и глубоко засыпая, я просыпался и снова вслушивался в дождь. Было похоже на то, как бы я, поставив виниловую пластинку, давних лет, на старенький патефон, слушал старинные записи, настоящие и проникновенные ноты, и подобно этим редким каплям, – шуршание, потрескивание считывающей иглы придавало винтажный шарм.

– Привет! – Лера забежала на балкон и обняла меня. – Я решила приехать пораньше.

– Я заметил, – на часах сейчас было семь утра. – Во сколько же ты встала?

– Я легла рано. Специально. Чтоб пораньше к тебе приехать. – Лера посмотрела мне в глаза, прищурилась, словно пытаюсь проникнуть в них поглубже. – А вот ты, я вижу, спал совсем мало... или вообще не спал. Что случилось? Чем был занят?

– Да так, что-то не спалось... – Я на какой-то момент задумался, вспоминая рассказ Веры, её просьбу. Мыслями спохватился о флэшке, «...нет, не осталась она в компьютере, я её достал и бросил во внутренний карман пиджака – старенький пиджак», он висит в глубине шкафа, я его давно не надевал, забыл как-то про него. – Хочу кофе.

– Я тебе сделаю! Сиди! – Лера подскочила и побежала на кухню. А я продолжал сидеть в кресле. Возникла мысль закурить, но я от неё отказался. Слишком много курю, надо пореже с этим делом. Вдруг я вспомнил, что мне даже приснился сон: «Была ночь. Ярко светила луна. Вроде как я или не я, прогуливался по нашему скверу, но был он не такой, каким его знаю я. И мне подумалось: почему же так спокойно иду под дождём? Он же сильный и холодный. А если я заболею? Но, ни на минуту не задумался: как так, – такой сильный дождь и яркая луна. И вот я вижу девушку, красивую, стройную, с длинными волосами, которые развивались на ветру. И чем ближе я подходил к ней, тем отчётливее видел её лицо. Это лицо было наполнено миром, спокойствием, и, словно безмятежность кружила вокруг неё. А я, точно, был не я. Почему-то у меня болела нога и я, хромяя, шёл к этой девушке. Когда я подошёл совсем близко, то рассмотрев её светящиеся жизнью глаза, увидел отражение в них. Прозрачная луна, словно в зеркало смотрела в эту девушку. Какая-то часть меня, та, что мне не знакома, ощутила нечто похожее на любовь, – точно сказать я не мог, потому что другая часть меня за всем наблюдала и я понимал, что являюсь в то же время зрителем...». – На этом сон прервался, а я подумал

теперь, а чтобы сказали те, кто в этом разбираются. И тут же про себя посмеялся, подумав, что на этом делают большие деньги, – такая себе: «индустрия сна».

– Макс, иди пить кофе.

На столе стоял омлет, посыпанный зеленью и кружка кофе. Кошка, тоже, что-то уже улетала из новой миски. Я сел за стол и увидел какие-то коробочки с кошачьими и собачьими мордами. Я понял, что это предназначающиеся капли для Тасу, но почему-то так много всего. Лера заметила моё внимание на этих коробках. И поспешила пояснить.

– Это капли от глистов, – Она взяла первую упаковку. – Это... – показала на следующую, – от блох, надо накапать на холку, сначала покупаем её... – «ах, мы ещё будем её купать?!» – потом накапаем и наденем ошейник. – Лера потрусилась третьей коробкой.

Я посмотрел на Тасу, она облизывалась после вкусной консервы. Она, будто почувствовав мой пристальный взгляд, прервала процесс умывания и уставилась на меня.

– Попала ты, Тасу!

– Ты ешь, а то остынет.

Съев омлет, я потихоньку принялся пить кофе.

Я размышлял о судьбе Веры. И думал, чем я могу помочь ей, чего она хочет от меня. Я не думаю, что в моей помощи заключается что-то грандиозное. Надо просто жить своей жизнью, но быть готовым ко всему.

Лера убежала в душ. Я слышал, как льётся вода. Захотелось курить. Я взял кофе и ушёл на балкон. Обратил внимание, что Тасу нигде не было, – но тут донеслось из ванной мяуканье... «неужели Лера „запёрлась“ в душ вместе с кошкой?» Похоже от этой женщины, как шкодливой девчонки можно ожидать чего угодно. Выкурив одну сигарету, допив кофе, я зашёл в комнату. Передо мной были два укутанных в полотенце существа – маленькое и совсем маленькое. Я и удивился, и улыбнулся, и вообще – уже нечему удивляться!

Ещё одна мысль не покидала меня – бросить работу. В голове прокручивался разговор с Николаем. Его тезисы относительно личной жизни, засели в моём разуме и постепенно прорастали глубоко корнями, намереваясь пустить ростки.

– Я хочу сменить работу. – Приоткрыл я окно своих мыслей. Лера, молча мыла посуду. – Надоела мне эта вся бухгалтерия. Не хочу я всю жизнь гнаться над столом с бесконечными отчётами...

– Мне не понятно, почему ты полжизни уже отдал этому...! – Лера раскладывала чистую посуду, протирая каждую тарелку. – Ну, и чем собираешься заняться? – Лера повернулась ко мне, пытаясь повесить полотенце на крючок.

– Устраиваться в другие места по специальности, более чем глупо, я назвал бы это: «поменять шило на мыло!»

– И...? – Лера достала два яблока, помыла, порезала на дольки и, сложив на тарелку, поставила на стол, а сама села передо мной.

– Я в детстве мечтал стать художником, но как работать сейчас, я не представляю. Закрыться в мастерской и создавать свою коллекцию картин, а там, как повезёт... кому оно сейчас надо?

– Напрасно ты так. К примеру, наш прадед был художником. После школы он поступил в художественное училище, оказался довольно способным, проучившись там, поступил в академию имени Репина, в Санкт-Петербурге. Это помогло ему со связями. Картины стали выставлять на выставках, продавать за значительно неплохие деньги. Дед приобрёл общественное признание. Картины висят в музеях, в частных коллекциях.

– Ну, ведь это раньше так было. Сейчас век другой, взгляды поменялись...

– Ты многого не знаешь. А кто-то между прочим, коней нарисованных строительным мастерком за бешеные деньги продаёт!

– В смысле?

– В прямом. Один украинский художник, Криволап, Анатолий, продал, я не помню точно, но на каком-то лондонском аукционе, один из своих многочисленных холстов – «Конь и ночь» за сто пятьдесят тысяч евро.

– Да, ладно?!

– Вот тебе и «да ладно»! – Лера по дольке брала яблоко и потихоньку ела. – Будешь яблоко?

– Не хочу...

– А другой, кстати, тоже художник из Украины, продал за пятьдесят тысяч евро ветку пальмы на белом фоне, на том же самом аукционе. Обе картины увезли в Милан. – Лера доедала яблоко. А российский художник Никас Сафронов, пишет заказы за десятки тысяч долларов.

– Всё равно, это как-то, сегодня, подобно хобби... – я задумался.

– В общем-то, я с тобой согласна. Просто, если чему-то хочешь посвятить свою жизнь, – надо посвящать. Ну, а что-нибудь ещё имеется в твоём арсенале?

– Дальше я думал: становится дизайнером – значит, надо получить квалификацию. Пока её буду получать, можно работать... А если я сейчас хочу оставить работу? – Я задумался. Молчал.

– Смотри сам, ты взрослый человек.

– Это понятно.

– Ты мне расскажи лучше, кого ты спас. – Лера заулыбалась.

И я рассказал ей всю историю от лавки до больницы.

– Да, бывает такое! – Словно заключение сделала Лера.

– Интересно, дождь будет весь день лить?

– А ты что хотел погулять?

– Можно было бы...

Какое-то время мы проговорили ни о чём. Я тоже пошёл, сходил в душ. На мне, будто, тонной лежал груз ночи, наполовину бессонной. Выйдя из ванной, поначалу, я почувствовал облегчение, но спустя полчаса, меня потянуло в сон. Я прилёг на диван и крепко уснул.

Проснулся укутанный в плед, – видимо, когда я уснул, Лера меня накрыла. Достала плед из антресоли. В квартире было тихо. Возникло ощущение, что я снова остался один. Посмотрел на дверь, – она была закрыта. Я ещё полежал какое-то время, размышляя. Спать уже не хотелось. Мысли были разные, как бывает по утрам в выходной день: – спешить некуда, работа вся осталась в прожитых буднях. Я посмотрел в окно и понял, что проспал весь день – садившееся солнце и окрасивший небо закат уже венчали его.

Зазвонил телефон, я приподнялся, взял трубку: «Лера».

– Макс, ты проснулся?

– Да! А ты где?

– Мы с Тасу вышли погулять. Я посмотрела, что распогодилось, и решила выйти. – Лера сделала паузу. – А ты спал, я не стала тебя уже будить. Ну, мы скоро...

– Хорошо!

Я встал с дивана и пошёл на кухню. Пока варил кофе, убеждал сам себя очередной раз – (спать днём не люблю) – каждый раз, словно разбит. Хотя напряжение в голове ушло, мозг чувствовал себя комфортно в своей коробке и уже не давил её стенки, не пинался почём зря, а вот тело, словно каша.

Налив кофе в кружку, я уселся за стол и стал думать о своих средствах на существование. Если я сейчас уволюсь, – на что буду жить? Хотелось бы не прозябать. Пять лет назад я начал откладывать деньги на депозитный счёт, депозитом ни разу не пользовался. На данный момент

там уже должна была собраться не маленькая сумма. Я достал чеки, квитанции, нашёл номер телефона банка.

Пока ждал соединения, в голове ворошились разные мысли, предположения. Взяв в руки кружку, сделал глоток.

Наконец гудки прекратились и моё ожидание было встречено быстрым, строгим голосом, который, вначале, представившись, спросил о моих пожеланиях. Я же, объяснив всё, и, назвав номер лицевого счёта, стал ждать результатов. Посмотрев на часы, понял, что прошло не более полминуты, – мне же казалось, уже полчаса. Со мной снова заговорил тот же голос. Я слушал, удивлялся и был доволен тем, что слышу.

Короче говоря, я оказался далеко не бедным человеком и мне, если даже ничего не делать и жить со средней скромностью, можно прожить на скопившиеся средства лет пять. Если начать чуть шикавать, то год, – я так думаю. Меня же, и то и другое не интересовало, – я видел в сложившихся обстоятельствах приличную возможность вложить эти деньги в своё дело. Теперь возник вопрос: в какое?

Двумя щелчками, провернув ключ, Лера открыла дверь.

– Макс, ты не хочешь пойти прогуляться! На улице так хорошо, свежо! – Лера разулась и пошла вместе с кошкой в ванную. Послышалось рычание вперемешку с мяуканьем. Сначала я не понял в чём дело, но, когда Лера вышла из ванной, вытирая кошке лапы, я ухмыльнулся и посочувствовал «прихлебателю», который явно лишился свободы. Но Тасу это, похоже, не пугало ни грамма.

– Пойдём. – Согласился я. Мне ни сказать, чтоб сильно хотелось выходить, но я думал, проветрить мозги не помешало бы.

– Отлично! – Обрадовалась Лера. – Хочешь пиццу съедим, пойдём, – заодно поужинаем.

– Можно и так!

На улице, правда, было свежо и в то же время достаточно тепло. Лёгкий тёплый ветерок проносился над землёй, – между домами, среди людей, по кронам деревьев. Мы шли с Лерой, держась за руки. Рядом с ней незаметно пролетало время. Она постоянно что-то рассказывала. У меня было ощущение, будто мы были вместе всегда, никуда друг от друга не девались. Ещё, конечно, мне не хватало Веры. С Лерой о ней заговорить я не решался. Во-первых: думал, что Лера ни так поймёт, во-вторых: она спросит про флэшку, а в-третьих: Вера попросила ничего, пока, Лере не говорить. Поэтому лучше будет, если всё останется, как есть. А если Лера спросит про флэшку, что мне тогда сказать? – об этом я не подумал, а ведь она может спросить в любой момент.

Зайдя в одну неплохую пиццерию, мы заказали среднюю пиццу. Так как Лера не ест ни мясо, ни рыбу, а мне не нравятся грибы, мы заказали самый, что ни на есть, традиционный итальянский вариант. Тонкое тесто, которое впоследствии хрустывает, смазанное томатной пастой, сверху разложены нарезанные кольцами помидоры, немного полито оливковым маслом, посыпано пармезаном и кусочками маслин; и мы зашли перед тем, как сделать заказ, в супермаркет, купили кусочек «*Dorblu*», думая, что такого сыра в пиццерии может не быть. Сверху нам накидали кусочки этого божественного продукта. Мы поспешили домой, пока содержимое душистой коробки ещё дышало жаром. Пройдя больше половины пути к дому, нас начал застигать дождь. Редкий, но подающий серьёзные перспективы. Мы постарались ускориться. И успели. Только мы забежали под козырёк подъезда, как полил ливень. А ведь небо уже было таким чистым, когда выходили. Мы собрались заходить вовнутрь, как меня что-то остановило, это был яркий свет. Я сразу вспомнил сон...

– Макс, ты чего застыл? – Лера, уже открыв своим ключом дверь, вошла в подъезд.

– Сейчас, – я отдал Лере пиццу, а сам вышел под дождь и стал, прищуриваясь рассматривать небо. – Ты такое когда-нибудь видела?

– Что именно? Макс там льёт дождь, ты насквозь промокнешь!

– Да, льёт дождь, но при этом прямо над нами светит луна! Мне такое приснилось сегодня ночью.

Я, какое-то время, простоял под дождём и смотрел, как светит на меня серебряный диск, постепенно затягиваемый тучами. Скоро он скрылся, и я пошёл в подъезд.

– Ты – чокнутый! Пошли домой. Весь насквозь промок. Нужна тебе была эта луна. Ну, светит и что с того?! Бывает и солнце светит вовремя дождя, тогда грибы лучше растут, – мой дед сразу в лес после того бежал. – Я хотел взять пиццу обратно.

– Куда на мокрые руки!

Лера не понимала моих впечатлений, да и мне, возможно, было бы всё равно, но просто приснился сон. Бывает многое снится, а это как-то засело. Глаз девушки только не хватало.

Придя домой, мы переоделись в сухое. Тасу, увидев меня рядом, вся встрепенулась, прогнула спину, вздыбила всю, что на ней есть, шерсть, округлив глаза, начала рычать. Затем резко, словно молния, убежала на подоконник. Мы оставили открытую форточку и, теперь в неё залетали капли дождя. Оказавшись в такой ловушке, Тасу, запрыгнув на окно, сразу же поспешила обратно на пол. Мигом умчалась в зал, принявшись там немедленно себя вылизывать. Всё это было смешно, и мы расхохотались.

Приговорив большую часть пиццы, мы ещё долго болтали, обнимались, целовались и страстно занимались любовью. Тасу сидела всё время рядом с нами и, словно, за всем внимательно наблюдала, делая вид, что безразлична к происходящему, сквозь щели глаз.

Потом Лера уснула, а я ещё долго лежал и вспоминал луну, сон, думал о своей работе. Вспомнил Николая, думал, нашла ли Вера свою сестру с бабушкой. Посмотрел на часы, уже было полчетвёртого, подумал, пора как-то пытаться уснуть. Захотелось в туалет, встал, пошёл. Надумал поковыряться в своих карманах, – достал кучу бумажек, среди них нашёл номер телефона Николая. «Надо ему позвонить! – Как он там?»

Наконец я лёг и уснул.

Утром меня разбудила Лера, аккуратно проведя рукой по волосам. Я с трудом приоткрыл глаза, жутко хотелось спать.

– «Солнце», я на работу побежала...

– На какую работу? – Я совсем забыл, что сегодня понедельник и что Лера ходит на работу. Видимо я сильно устал.

глава шестая: рассказ о судьбе

I

Лера ушла на работу, а я провалился в сон и проспал ещё часа три. Проснулся от свежего воздуха. Лера оставила открытым окно. Глаза легко открылись, а в голове было ясно. Я почувствовал себя просветлённым человеком. В голове всё лежало на своих местах. Встал и пошёл в душ. Когда мылся, поймал себя на мысли: – чёрт возьми, я пошёл сразу в душ, не на балкон, – на балкон я обычно выходил курить. Днём иногда, просто выходил посидеть и попить кофе. Но утром обязательно шёл на балкон курить, причём ещё до того, как пойти в туалет.

После душа я сварил себе кофе, налил в кружку и сел за стол на кухне. Надо подумать о планах на сегодняшний день. Во-первых: бизнес-план, – какое дело он будет представлять и, пусть это будет записано в «важное». Во-вторых, следует позвонить Николаю и договориться о встрече, или же, смотря по ситуации, обойтись телефонным разговором. И занести это дело в список срочных дел. Также в список срочных дел войдёт третье, и это будет звонок шефу, – нужно решить вопрос о своём увольнении в первую очередь.

И начал я со звонка Сергею Николаевичу.

Наш разговор затянулся надолго. Я думал, что увольнение с работы может стать проблемой, но не думал насколько сложной... Дело всё в том, что Сергей Николаевич долго искал бухгалтера и экономиста. Сергей Николаевич – это друг моего отца, они даже бывает, ходят в сауну, устраивают пивно-таранковые посиделки с паром и вениками. Но об их дружбе я узнал, когда устраивался на работу. Почему-то я ничего про своего шефа не слышал от отца в детстве. Но он сказал, что дружат они уже давно. Отец и порекомендовал ему меня. Тот согласился взять новоиспечённого специалиста без опыта работы с испытательным сроком на три месяца. Его слова передал мне отец: «Пусть проведёт квартал и сделает отчёт. А я посмотрю, как он справится!». Я справился. Хотя было нелегко. Сергей Николаевич был мною доволен. Он был доволен пять лет и мысли со мной расстаться, у него не возникало. Конечно, ему сложно было об этом разговаривать.

– Ну, приезжай уже в офис. Все равно тебе надо заявление писать...

Я оделся и отправился на работу. По дороге позвонила Лера. Я сказал ей, что еду на работу писать заявление.

– Ты уже всё решил?

– Да! Бесповоротно!

– Так и куда ты теперь?

И я рассказал Лере о своём депозите.

– Ну, тогда дерзай... – слышно было, как Лера за меня порадовалась. – Ладно, Макс, я потом ещё позвоню, – меня зовут.

– Давай, удачи!

– И тебе удачи! – Также быстро, как Лера всё протараторила, пошли гудки.

Вот я и добрался до офиса. С утра ни разу не курил, но сейчас достал пачку сигарет и выкурил две подряд. Перевёл дыхание, глубоко вдохнул и с шумом выпустил воздух.

Войдя вовнутрь, я оказался под лавиной приветствий, мужских рукопожатий, женских взглядов и улыбок. В принципе, следует сразу идти в отдел кадров по такому вопросу, но мне к Сергею Николаевичу, поэтому и нервы шалят.

Принял он меня без тормозов. Секретарю было наказано никого не впускать. Просидели мы в его кабинете без малых полтора часа. Выпили по три чашки кофе и, чуть больше, выкурили сигарет, – это я решил курить меньше. Он всё пытался добиться от меня ответа, почему же я ухожу. Я ему сказал, что хочу двигаться самостоятельно. В каком направлении, пока не знаю,

но твёрдо уверен – пора. Сергей Николаевич никак не мог взять в толк, как так можно идти в неизвестность?!

– Да поймите, если не сейчас, то не знаю когда! Да, никогда!

– Ну, хорошо, бог с тобой, уйдёшь, но давай постепенно...

– Нет! Я уже решил!

Наступила тишина. Мы долго ещё сидели и о чём-то каждый думал. Смотрели в окно, пили кофе и молчали.

– Кого посоветуешь? – Прервал молчание шеф.

– Антона Дюжина.

– А дела, как быстро передашь?

– С Антоном потребуется пару дней.

– Ну, ты хоть в этом не горячись! – В сердцах возмутился Сергей Николаевич. Видно, было, что у него что-то из сердца вырывают. – Пиши заявление своё и десять дней поработай с этим Антоном.

Я достал готовое заявление из портфеля и положил на стол.

– Ох, у него уже и это готово. Видно, ты всерьёз надумал!

«Нет,» – подумал я, – «так пошутить решил... работу „ради прикола“ бросить!».

Офис я покинул с лёгкой душой.

Следующим по плану был звонок Николаю. Я достал телефон, листок, на котором был записан его номер. Набрал и стал ожидать ответа.

– Алло. – Долго ждать не пришлось

– Николай? – Последовала короткая пауза.

– Да, это я! А кто интересуется?

– Макс. Помните меня? Я к вам в больницу приходил.

– Ах! Конечно, помню! – Голос резко поменялся. Стал энергичнее.

– Как вы себя чувствуете?

– Я дома. Меня не хотели отпускать. Но я настоял. Попросили подписать кое-какие бумаги, после этого я отправился домой. И, признаться честно, чувствую себя гораздо лучше.

– Я рад за вас!

– А знаете, что, приезжайте ко мне в гости. Я вас чаем попою с вареньем земляничным. С детства это варенье люблю, и ежевику. – Потом он сделал паузу. – Если вам, конечно, удобно. Мне бы хотелось вас увидеть.

– У меня полно свободного времени. Говорите адрес.

– Улица Чехова, дом 117. Квартиры никакой нет, – живу на земле.

– Хорошо. – Я улыбнулся в трубку и почувствовал то же в ответ.

Вызвал такси и направился по адресу.

II

Николай встречал возле калитки. Глядя на него сейчас, не подумаешь, что недавно был сердечный приступ. Человек держался бодро и уверенно. Возникало такое впечатление, будто он готов пуститься в пляс или побежать стометровку.

– Вы прекрасно выглядите, Николай! – Сделал я комплимент, пожимая руку.

Мы вошли во двор. Простой дворик. Много деревьев, поверху тянется виноград, отгороженный палисадник, по двору расставлены горшки с цветами. Один стол весь ими заставлен. Рядом лежат инструменты для ухода за грунтом, стоит брызгалка, рядом со столом лейка. Летняя кухня напротив входа в дом, сарай и гараж. Отдельно расположена квадратная беседка, в ней стол. Рядом с беседкой стоит самовар, бог знает какого года, с возвышающейся трубой, – в нём, явно, воду кипятят на дровах.

– Пойдёмте в дом, Макс, – я заметил, что Николай уже не делал остановок на моём имени. – Посмотрите, как я живу.

Не имел я интереса к чужой жизни. Я пришёл человека навестить, узнать, как его здоровье. Есть люди, которым это всё, как будто нужно. Если они ничего не увидят, не узнают: не переживут. Я этого и не люблю, а кто-то, опять-таки, равнодушен, мне же становится не комфортно.

– Может мы на улице? – Торопился я убедить хозяина.

– Нет-нет! Пошли... Успеем на улице!

Когда мы вошли в дом, я изумился чистоте, которая там была с самого порога. Мы разулись в просторной веранде с большим окном, в Советском Союзе такое окно называли «итальянским». На веранде стоял журнальный стол и два кресла. Одну стену занимал книжный шкаф, битком набитый предназначенными книгами. На столе лежал кроссворд с карандашом. Но мы двинулись дальше и вошли в прихожую. Достаточно просторная, без лишних затей. Вешалка, тумбочка, стул и зеркало на стене. И снова книжный шкаф, также набит, как и тот, что стоит на веранде. В прихожей было пять дверей, две из них предназначались, по всей видимости, для ванной и туалета, одна вела на кухню, одна в зал, и пятая дверь вела туда, откуда мы вошли – в веранду. Все двери, кроме ванной и туалета, имели прозрачные стекла. Николай предложил проследовать в зал. И у меня сразу сложилось впечатление, будто я попал в библиотеку. Но помимо книг, в большом количестве, были развешаны и расставлены фотографии и картины. Ещё в зале стоял кожаный диван, а рядом журнальный столик. Диван, в одном месте, особенно продавлен, видимо, здесь чаще сидят. Как и подтвердилось моё предположение сейчас, – Николай сел именно на то место.

– Присаживайтесь, Макс! Вот так я живу. – Николай развёл руками.

– Эти книги, они все от того самого студента...?

– Да, – он сделал паузу и продолжил, – часть книг у меня были свои, но основную массу представляют именно его книги.

– А картины?

– Картины – это работы брата! Он, глядя на деда, начал писать. Но дед наш прославился, а брат мой так и застрял в четырёх стенах своей мастерской. Двоюродный брат ему всё время говорил, что тот ерундой занимается, но он настырно продолжал. Наш двоюродный брат, хотел деньги всего мира заработать, даже за границу для этого поехал, но погиб, или без вести пропал... Один чёрт... Они тогда вместе с женой в Грецию поехали и не вернулись.

И тут мне стало интересно.

– А дети у них были? – Спросил я, подумав о Вере.

– То ли две девочки, то ли два мальчика. Не помню. – Николай сделал паузу. – Я вообще, практически об этой истории, только и знаю, что двоюродный брат с женой пропали и не вернулись. Мы с ним и так редко общались, а как этот случай произошёл, мне и подавно о его семье ничего не известно. До меня, практически, что ли слух дошёл.

Николай посмотрел на меня, заискивающе.

– А что вам так, Макс, стала интересна эта история?

Я взглянул на Николая. Молча. Помню, как у меня прокрутилась в голове видеозапись Веры, – быстро, даже молниеносно. Я встал с дивана и пошёл к стеллажу с книгами, провёл по корешкам рукой. В доме стоял библиотечный запах.

– У моего очень хорошего друга, – начал я, – произошла одна неприятная история, которая в корне изменила её жизнь. – Я повернулся к Николаю. Он внимательно смотрел на меня, чуть прищурившись и сдвинув брови. – А может, всё так и должно было идти и ни что не изменяло жизни ход, а всё это и являлось самой жизнью. У неё точно также пропали родители, уехав на заработки в Грецию. Я не знаю, может это чистой воды совпадение, – история вашего брата и её родителей, возможно одна и та же история, а, возможно и нет. К тому же вы гово-

рите, что ничего о жизни своего брата толком не знаете. – Я снова задумался. Николай мне не мешал, лишь смотрел на меня и чего-то ждал. – Но мы можем и покопаться. Пойдите, – меня вдруг осенило. – А где жил ваш двоюродный брат?!

– В Амурской области. Я тоже там какое-то время жил.

– Но они тоже оттуда. Я город не помню. Название на посуду похоже... надо вспомнить...

– Мы жили в Благовещенске... – Сказал Николай. – Это, конечно, на посуду не похоже. А свою историю вам рассказать могу.

Я в согласие покачал головой и уселся обратно на своё место.

– Но сначала приготовим чай. – Николай встал с дивана и собрался выйти из зала, но остановился в дверях, повернулся ко мне. – Может, вы что-то покрепче будете?

– Нет!

– Тогда чай с вареньем.

Я остался один в комнате, заполненной словами, предложениями, фразами, цитатами, рифмами, известными и безызвестными именами. Я сидел и рассматривал полки с книгами. Стеллажи стояли по-над всеми стенами. Меня заинтересовали другие места. Я аккуратно встал и заглянул в комнату по соседству. И, как ожидалось – там тоже были книги! Интересно, эти все книги прочитаны, ну, скажем, предыдущим хозяином.

– Вы удивляетесь этому количеству книг? – Неожиданно прозвучал голос Николая за моей спиной. Я обернулся. Николай принёс на подносе чашки, блюда и ложечки, три вида варенья в пиалах и свежий нарезанный хлеб.

– Мне просто интересно, всё это кем-то одним прочитано? Например...

– ...их хозяином до меня? – Николай поспешил завершить вопрос, не дав закончить его мне. А я только покачал головой. Николай продолжал: – Не знаю. Мы можем лишь верить чьим-то словам. Хотя не думаю, что Афанасий Степанович обманул. Но он прочитал не только свои книги. А я... – Николай оглядел полки. – Я не прочитал ещё и третьей части. Честно говоря, я не читаю всё подряд, как это делал Афанасий Степанович. Здесь есть книги, которые мне совсем не интересны. Но есть весьма привлекательные экземпляры. Я сейчас. – Николай снова убежал.

Не успел я задуматься, как Николай пришёл. На этот раз с двумя чайниками. И опять удалился. Принёс две вазы, в одной печенье, в другой бублики. Разлив чай по чашкам, уселся на диван.

– Я вспомнил город, – начал Николай. – Который названием похож на посуду. Сковородино. Правильно?

– Верно! – Улыбнулся я и взял чашку с чаем.

– Мы жили в Благовещенске тогда. Нас было в семье четверо детей. Самый старший из нас, Лёня, родился он в 1926-ом году. В 1930-ом, родилась Галина, после неё сразу в 1931-ом на свет появилась Анна. Я самый младший, – родился я в 1940-ом, и, время было уже не весьма простое. До войны оставалось семь месяцев.

И вот сорок первый год. Наша семья прожила вместе ещё одну зиму и весну. Летом отца мобилизовали, и для нас началось трудное время, когда в сорок втором пришла похоронка, – отец погиб – их отряд попал под минометный обстрел. Мать еле справлялась. Шутка ли, четверо голодных детей. Если бы не старший брат, мы все умерли бы с голоду. То он ни понятно, откуда приносил продукты, то какую-то одежду. Даже привёл как-то козу. Мать очень сильно обрадовалась. Всё-таки, как не крути, постоянно в доме молоко.

Наш дом находился неподалёку от железной дороги. В тех краях печи топили дровами, если до войны с топливом проблем не было, то во время войны собирали, что придётся. Часто это были сырые дрова, а порой и вовсе не дрова, – всё, что попадалось, шло в печь. Паровозы – вот что стало нашим спасением – уголь, на котором они ходили. Брат с сестрами (я был

ещё мал) ходили на железную дорогу с мешками и воровали это самое паровозное топливо. Часто приходилось убегать. Бывало, бежали вместе с мешком, а бывало, бросали и приходили домой ни с чем. Но однажды в нашем доме появился ещё один житель. Брат привёл мальчишку, лет пяти, возрастом. Мать сначала осерчала, но, когда увидела, что мальчик не по годам пронырлив, успокоилась. Малец, по правде сказать, и не знал какого он возраста. Уже, как год он выживал сам, старался ночевать там, где было теплее, искал места, где могли накормить и быстро старался сбежать. Когда он пришёл к нам, то почувствовал себя, как дома. Во всём старался помочь. Если брат куда-то шёл, чтобы что-то добыть, не сидел, отправлялся с ним, – и при этом не был везде мешающим хвостом, но, бывало, брал на себя гораздо больше и отличался настырным характером. За него стали все переживать потому, что лез часто на рожон.

И вот случилась беда. Очередной раз они пошли за углём. Набрали два мешка и, принялись тащить. Ноша оказалась в тот раз слишком тяжёлая, и нести её было неудобно, передвигались медленно. Их заметили. Следовало всё бросить и бежать домой. На такой случай была особая дорога, куда и побежали сразу сёстры. Филя же, так звали найдёныша, вцепился в мешок и не хотел его отпускать. Лёня уговаривал его всеми силами, чтоб тот бросил ношу. Погоня была близка. И в тот момент, когда Филя согласился с Лёней, бросив чёртов мешок, побежал за ним. Лёня двигался чуть впереди и периодически оборачивался на Филю. Тот старался не отставать. Им пришлось перелезть через вагон. Старший брат быстро спрыгнул, пересёк соседнюю линию и его окатило потом. Сзади него уже мчался состав, а когда он обернулся, то увидел перерезанного пополам Филю.

Лёня бежал тяжёлыми ногами, с глаз градом лились слёзы, он не помнил, как очутился дома. Для всех, гибель Филя, была большим ударом. Брат с сёстрами две недели не ходили за углём. Топили, скудными остатками, а бывало, вовсе не топили, экономили, – оденемся и сидим все вместе на одной кровати.

Лёня мечтал художником стать. Говорил: «Вот война закончится, уеду в Ленинград, поступлю в художественное училище». Но до этого конца надо было дожить.

– А немцев, как пережил город?

– Немцев в Благовещенске не было. Там сначала воевали с Китайцами, потом с Японцами. Слышали о так называемой Российской фашистской партии?

– Нет!

– Ну, так вот она была. В тридцатых годах накалилась обстановка за Амуром – в Маньчжурии стали вновь активно действовать японцы, захватившие её в 1932 году. Они консолидировали свои усилия с русскими эмигрантами для захвата власти на территории Амурской области. В ходе войны, Благовещенск отправлял по всем фронтам мобилизованных и добровольцев. А в 1945 наша армия разгромила места японской дислокации на территории Маньчжурии. На набережной стоит памятник – «бронекатер».

Честно говоря, я мало что о войне знаю. Из учебников истории кое-что. И то, в такие подробности не вдавался. Говорят, что мы воевали не только с немцами, но и с итальянцами, и, конечно же, с японцами в то время. А вообще это очень страшно. Кому-то, что-то надо, а большинство от этого страдает. Как, например семья Николая, а сколько ещё таких семей.

– Мы, чтобы выжить, – продолжал Николай, – много чем занимались. Летом мы собирали гвозди.

– Гвозди?!

– Да, гвозди. Собирали везде. Чаще по старым заброшенным сараям, избам. Где, какая доска попадётся, тащили домой, гвозди вытягивали, дерево на топку складывали. Затем гвозди прямили, чистили, сортировали по размерам, заворачивали в газеты или связывали бечёвкой и несли на рынок продавать. Уже можно было за эти деньги купить крупы, муки, кусок хлеба.

Позже Лёня придумал кровати железные собирать. У отца кузня была. Когда он на войну ушёл, она закрытая стояла три года. Лёня тогда подошёл к матери и попросил разрешения

открыть кухню. Мать задумалась и долго сидела в мыслях, с её глаз текли слёзы, а лицо оставалось неподвижным, словно застыло в том промежутке времени. А может, и само время тогда замерло, и земной шар перестал вращаться. Ясное дело – она вспоминала отца. Потом она посмотрела в глаза своего старшего сына и сказала, что он сильно похож на своего отца и, как она всех нас любит. Мы все плакали, но были счастливы потому, что были вместе.

Лёня открыл кухню, все вместе навели там порядок. Когда была сделана и продана первая кровать, нам показалось, что мы стали богачами. Конечно, на фоне пережитой нищеты...

Николай разлил чай по чашкам, снова накрыл заварник полотенцем и, усевшись поудобнее, продолжил:

– Важно ли всё это помнить? Как вы думаете, Макс? – Николай вдумчиво посмотрел мне в глаза. Такой взгляд явно ждёт ответа, который согреет душу. Я задумался.

Ведь с одной стороны, за прошлое цепляться нет смысла, если оно нас не учит быть настоящими, другое дело, когда благодаря определённым воспоминаниям мы ценим каждый миг, прожитый сегодня. И совсем иное, когда человек безразлично относится ко всему, что проживает, он, как пустая болванка, без мозгов и без сердца.

– Я думаю, такое забывать нельзя ни в коем случае.

– Хорошо, что вы так рассуждаете, Макс. Сегодняшнее поколение живёт одним днём.

Опять одна и та же тема рассуждения поколений о поколениях. Ещё классики писали. Вспомнить Михаила Юрьевича с его «Героем нашего времени», как старики хаяли молодых. Им просто не живётся больше на полную катушку, а созданное новое за гранью их понимания. А плохие представители были во все времена.

– Не подумайте, Макс, что я сейчас рассуждаю, как все старики. Нет. Знаете, когда мы боролись за жизнь, то не думали, что чем-то отличаемся от предыдущих поколений, – все были равны, – как в истории с Филей. Сейчас молодёжь имеет всё и в то же время им без конца чего-то не хватает.

– А потом, что было с вашей семьёй?

– Мать боялась, что Лёня на войну уйдёт. Боялась, что его мобилизуют. Боялась, что уйдёт добровольцем. Если бы Лёня ушёл, мы не смогли бы выжить без него. А возраст у брата был призывной. Повестку тогда ему принесли. Мать тогда взмолилась всеми силами.

«У нас таких много». – Холодно ответил майор, когда Лёня пришёл в военкомат.

Так вышло, что у брата в документах год рождения написан не 1926, а 1927. И призвали его в 45-ом. Произошло чудо. Когда брат пришёл очередной раз к военкому, все радовались, но не тому, что пришёл Лёня, а тому, что объявили конец войне. Брата признали кормильцем семьи и освободили даже от службы в армии. Я не знаю, какие там силы, – Николай указал пальцем в небо, – распорядились, но мать весь день ходила, шевеля губами, осеняя себя крестом. Лёня ей говорил: «Мама, ну прекрати ты уже, всё хорошо...». А она на него посмотрит и слезу пускает.

Война закончилась. В Благовещенске мы пожилы ещё года два. Было нелегко, но удалось скопить денег. И мы уехали в Ленинградскую область. Меня с сёстрами отправили учиться в школу, а мать с Лёней пошли работать в колхоз. Лёня освоил трактор, а мама стала дояркой. Так мы дожили до 51-го года.

– А в Благовещенске кто-нибудь остался?

– Мать говорила, что там жил родной брат отца, которого застрелили японцы, по-моему, в 35-ом. У него был один сын. Тот самый двоюродный брат, который потом пропал в Греции. Но как-то так вышло, что с ними мы не поддерживали тогда отношений. Лишь, когда надумали уехать, пришла тётка. Мы не знали, кто она, а мама её сразу узнала, они долго разговаривали. О чём, мы не знали. Мать нам рассказала, что это жена нашего дяди Жени, брата отца. Она вышла замуж и была на сносях. Тогда она попросила забрать с собой её сына и дала на него денег. Наша мать долго сомневалась, но потом согласилась. Он поработал какое-то время вме-

сте с Лёней в тракторной бригаде, потом уехал в Ленинград и устроился там на какой-то завод. Он к нам иногда приезжал.

В колхозе за матерью один бригадир ухаживать стал. Мать поначалу противилась, мол, не до того, но ей Лёня сказал, что так и так, человек ведь хороший, а она ещё молодая женщина. И жизнь продолжается. Бригадир этого звали Дмитрий Иванович. К Лёньке относился с большим уважением, к нам, как к детям своим отнёсся, а мать нашу полюбил до безумия, – от того и Лёнька на мать давить стал, чтобы та замуж выходила. Мама тоже чувства стала к дяде Мите питать. Она поменялась сильно, стала себя вести, как женщине подобает, мы её такой никогда не видели. Так и вышла за него замуж.

У Лёни с маминым замужеством возможности учиться появились. Дядь Митя сам как-то Лёньке говорит: «Лёнька, а ты учиться-то хочешь?» – Конечно, брат хотел учиться, только на его плечах семья наша большая лежала, пойдя он учиться, но семье туго пришлось бы. «Я художником стать хочу, как дед мой знаменитый». – Отвечал Лёня. «Дааа! Наслышан я о твоём дед! Ну, так, стало быть, пора и тебе в «колесницу знаний» становиться. Мы с твоей мамкой справимся без тебя.» Лёнька взглянул на него с каким-то сомнением. «Ты чего это, во мне сомневаешься, что ли...?» – начал было сердчать дядь Митя. «Нет!» – поспешил успокоить его мой брат. «У меня то и школа не закончена...». Дядь Митя на это заулыбался. «Ах, ты об этом! Ну, иди в вечернюю школу, там вон любого возраста берут. Сейчас время у нас такое, – всех доучивать надо!»

И Лёнька, проучившись два года в вечерней школе, уехал в Ленинград и там поступил в художественное училище. Ну, а ещё так вышло, что рядом двоюродный брат с ним жил. Дони-мать его стал, что Лёнька типа ерундой занялся, – художником стать решил. Мой брат на него не обращал внимания, лишь вскипел: «Слышь, Юра, ты меня в край доставать начал. Если ты решил всю жизнь заводу отдать, я, что, к тебе, как к великому пролетарию прислушаться должен?» На то время, те, кто трудился на заводах, в особом почёте были, они главное благо для страны Советов делали. «Вот ты, как заговорил?» – Начал Юра и, Лёня понял, что сказанным сделал большую ошибку. Великим дружелюбием Юра не отличался и в дружбу с Лёней никогда не впадал. Зато партбилет на руках имел, и отличия в партии имелись, потому прислушивались к таким, как Юра там на раз. Лёне предлагали комсомольцем стать, но он отказался, поэтому и прицепились к нему с особой тяжбой, когда Юра на него накапал. Комиссар хорошей девушкой оказалась. Она позвала к себе Лёню, и у них состоялся долгий разговор перед тем, как его вызвали на собрание. Елизавета настояла на его вступлении в ВЛКСМ. И долго объясняла, что и, как правильно говорить на собрании. В противном случае полетела бы Лёнина учёба к чертям собачьим. Да, Елизавета, как подобает комиссару, на собрании была весьма строга. Лёня, хотел под землю провалиться, но держался до последнего и сделал всё, как велела Елизавета. С Юрой Лёня больше не общался, хотя встречались они часто мимоходом на улицах Ленинграда, отворачивались и шли каждый своей дорогой. Лёня стал комсомольцем и стал регулярно видеть Елизавету. Они часто после собраний шли вместе домой. С каждым днём эти прогулки становились продолжительнее. И, в конце концов, Лёня признался в любви Лизе. Она долго на него молча смотрела и, наконец, сказала, что полюбила его уже давно. Не переживала бы так сильно, когда ему грозил вылет из училища. Лиза призналась ему, что на самом деле органически не переваривает сексотов¹², и чувствует к ним отвращение, но поделаться с этим никто ничего не мог – меры контроля.

Спустя какое-то время Лиза и Лёня поженились.

Свадьбу сыграли в колхозе. Мама рада была до беспамьятства. Дядь Митя со свадьбой сильно помог. Гуляли всем колхозом.

¹² (сокр.) – (секретный сотрудник) – осведомитель правоохранительных органов (ВЧК, ОГПУ, НКВД), работающий под прикрытием. Слово ставшее образцом «советского новояза», но имевшее начало в царской России.

Мамка беременная тогда была, – со дня на день должна была родить, и дядь Митя за неё переживал сильно, уж больно мать радовалась за сына и песни пела. Слава богу, свадьбу отгуляли, а через два дня мама родила Стёпку. Сёстры от малыша не отходили, – с няньками братцу повезло. А дядь Митя на повышение пошёл, его председатель своим замом поставил. Сказал, что, когда на пенсию пойдёт его на своё место рекомендовать будет.

Лёнька, когда училище окончил, в музей работать пошёл. Лиза беременная была и носила двойню, но они этого ещё не знали. Она настаивала, чтоб Лёня в академию поступал, но он противился, говоря, что им тогда трудно придётся. Но она настояла. Когда неожиданно вместо одного ребёнка родилась двойня, да ещё девочки, Лёня бросил учёбу в академии.

Да и сёстры мои тогда быстро замуж повыходили. В колхозе жить остались.

Чай что-то совсем остыл.

Я посмотрел на часы, было 19:35.

– Я вас совсем задержал.

– Да поздновато уже! – Я удивился, почему мой телефон молчал. Лера давно дома, и должна была уже не раз позвонить. Я достал телефон, он был выключен.

– Проблемы? – Николай посмотрел на мой телефон и на меня.

– Николай, давайте я, потом ещё к вам приеду...

– Конечно!

III

Запустив телефон, я увидел кучу пропущенных звонков. Два из них от отца и семь от Леры. В такси набрал Леру.

– Макс, у тебя всё в порядке? Почему телефон выключен? Ты где? – Лера засыпала меня вопросами, но она не злилась.

– Я не знаю, почему телефон выключился. Я был у Николая. Сейчас еду домой.

– Хорошо! Я жду тебя, приезжай быстрее!

Я ехал и думал, – зачем мне весь этот рассказ Николая? Но меня что-то тянуло к нему. Я чувствовал, что должен дослушать его до конца.

Дома мы с Лерой спокойно поужинали, я рассказал ей, как прожил день, она немного о своей работе. Потом мы сделали кофе и сели смотреть какой-то фильм о молодом писателе, отдыхавшем в Париже, который мечтал попасть в его любимое прошлое. Фильм оказался интересным, лёгким и чуть-чуть развеял мысли. Но, когда мы легли спать, я ещё полночи ворочался. Сказать, что я думал о чём-то определённом – нет, просто день, скорее всего, был слишком насыщен. А Лера, почитав книжку, тут же уснула.

глава седьмая: письмо от Веры

День начался, как обычно. Мы с Лерой позавтракали, и она ушла на работу.

Я сел за компьютер и начал писать бизнес-план. Я решил открыть кофейню и для начала просмотреть все возможные сайты, которые предлагали оборудование и варианты дизайна. И сказать честно, очень много ширпотреба. А ещё, я обратил внимание, сколько в интернете мусора, – пока ты ищешь, то, что тебе надо, тебе предлагают заняться множеством idiotских занятий. Пока я час искал подходящие кофе-машины, мне пять раз предлагали начать играть (зарабатывать) в казино, раз шесть вступить в клуб «желающих начать свой бизнес», взять бизнес под ключ – один раз, – без каких-либо обязательств и за мизерную сумму с возможностью трёхгодовой беспроцентной выплаты (я про себя посмеялся). Боже, это сколько же idiotов на самом деле может найтись, ведь, увы, не так много грамотных людей, кто способен отличить халтуру от реального дела. А что, ведь зарабатывать на безграмотности населения, желающего заработать не напрягаясь, это доходный способ. Во все времена наверно находились умники, готовые наживаться на нищих карманах и умах. На втором скорее чаще, – если присутствует, хоть доля здравого рассудка в костяной коробке, то он не «протыкает» подвоха. Хотя... Один мой знакомый, достаточно умный человек, решил взять кредит, желательно найти без процентов, конечно же, чтобы не переплачивать половину, а то и в два-три раза больше. Не знаю, что с ним в тот момент произошло, когда я узнал, то был сильно удивлён. Он обошёл все банки, какие только существовали и в конце концов, сел на лавочку, погрузился в рассуждения. Именно в тот миг ему, – так подумал он, – пришла «гениальная» мысль: «А не пойти ли в покер-клуб...»! У него была достаточно весомая сумма денег, к которой ему не хватало третьей части, чтоб осуществить задуманное. Он вспомнил, как удачно играл в покер в институте (ещё бы вспомнил, как удачно играл в школе в «монополию»!) Откладывал он свои деньги лет пять, а проиграл за два часа. И ладно, если бы пришёл в какой-то приличный клуб, нет, он зашёл в первый попавшийся подвал, откуда он даже не смог выйти, когда подумал, что хватит сходить с ума. Если бы он вышел, когда хотел, то всё у него было бы ещё в порядке, но он столкнулся с той силой, противостоять которой может только ей подобная или превосходящая.

В моём случае – денег было предостаточно. Мне надо просто всё рассчитать и найти подходящее место в городе.

Но отвлёк меня звонок телефона. Номер скрыт. Недолго поколебавшись, я всё-таки поднял трубку.

Решил промолчать.

– Максим? – Услышал я голос молодой девушки, – она решила не ждать, когда я соизволю сказать «алло».

– Да, я Максим!

– Вам прислали письмо, и, оно лежит в вашем почтовом ящике... – Я не успел ничего сказать, как трубка замолчала.

Ещё посидев немного, я спустился на первый этаж. Ящик был набит непонятной макулатурой. Достав всё, я пересортировал на нужное и ненужное. Когда они успевают набивать ящики своей ерундой? Я усмехнулся, – сначала интернет, теперь почта, мир набит дерьмом. Отобрав квитанции по коммунальным платежам, я выбросил все рекламные листовки и визитки. Затем я принялся перебирать конверты. Два из них адресовались совершенно не мне, и я их сразу выбросил в мусор, три конверта содержали какие-то нелепые предложения принять участие в розыгрыше каких-то призов, которые я типа уже выиграл, хотя я и не думал играть. Ещё два – интернет предложения. И лишь один имел чистую поверхность, – его-то я и решил вскрыть. Развернув лист, увидел от руки написанный текст. Такого давно никто не делал. Всё как-то по сотовой связи происходит, – позвонили – сказали; не хотят говорить –

написали СМС или ММС прислали. А ещё модным стало поздравлять в социальных сетях. Интернет полон открыток, псевдоподарков и прочей ерунды, лишь бы «отмазаться». А, как раньше ждали писем, открыток, получали телеграммы! – с трепетом вскрывали конверт, всей семьёй садились и читали. Потом писали ответ.

И ещё в конверте оказался ключ, – самый обыкновенный ключ от самой обыкновенной двери. Такой ключ практически незаметен среди такого письма.

Сварив быстро кофе, я собрался идти на балкон, но передумал – надо курить меньше. И уселся за стол на кухне, сделал глоток чёрного ароматного напитка, развернул письмо и принялся читать.

«Привет, Макс!

Я не хотела впутывать тебя в свою историю. Думала, тихо найду свою жизнь, а потом, как-нибудь скажу тебе, что отыскала свою родную сестру и осталась рядом с ней. Но ты не прошёл мимо и не сел просто рядом на лавочке, ты вошёл в мою жизнь...»

На этом месте я прервался, отпил кофе и задумался. «Странное дело, каким это образом я вошёл в жизнь Веры? Если так разобраться, то я с каждым из своих двоюродных и троюродных братьев и таких же сестёр настолько тесно связан, что каждый их любовный поход, каждая совместная жизнь и попытка создать семью, делают меня крупным соучастником. Ежели бы так происходило, у меня давно поехала бы крыша. Так что мне не понятно, каким образом я вошёл в жизнь Веры? – как по мне, так только, как друг, который, когда-то с ней имел общение. Да, я скучаю по тем временам, когда мы много общались. Но я не понимаю, как может на неё повлиять то, что мы с Лерой живём вместе. Я не отказываюсь Вере помочь. Может Вера меня полюбила, но наши ритмы не сошлись. Или я чего-то не понял? В общем, все эти высокие слова меня сильно пугают и отталкивают. Но я стал продолжать читать письмо. Глянул на лежащий рядом конверт. Почему он чистый?! На конверте должен быть написан адрес.

«... в моей жизни не так было много людей, которые меня понимали. Ты сейчас с Лерой, я это знаю. Знаю потому, что это очевидно. Она сильно этого хотела. Я тоже хотела быть с тобой, но ты остался ко мне холодным. Не знаю, почему, но я отступила от своего решения и не захотела быть навязчивой. И решила, что сейчас именно то время, когда пора уехать. Может и не стоит теперь уже в чём-то тебе признаваться, но я не могу это держать в себе. Возможно, ты подумаешь, что я чокнутая и мне больше нечем заняться, как только писать подростковый лепет. Думай! – Я не обижусь. Ты помнишь наш последний поход в кафе? – я тогда, сама не знаю, чего ждала. Я решила уехать давно, но подумала, если между нами есть что-то больше, чем просто дружба, то спешить я не буду. Но ты молчал, значит, ничего не чувствовал. И, когда я объявила об отъезде, ты отреагировал далеко не как заинтересованный мной (как женщиной). Тогда я поняла наверняка, у нас ничего быть не может. Я, скорее всего, не должна тебе этого уже писать... И я не могу, так как Лера подойти к человеку и признаться ему в своих чувствах. Возможно, быть Лерой удобно..., но и себя терять мне бы не хотелось!

Моей бабушки уже давно нет в живых, а моя родная сестра три года, как замужем. У неё родилась дочь. И ей по большому счёту не до меня. Когда мы с ней встретились, она на меня по началу, практически никак не отреагировала. Но пока мы общались, оказалось, что она очень даже рада меня видеть. А почему так вышло, что бабушка со мной не поддерживала связь? – мы не понимали обе. Сестра призналась мне, что тоже не вспоминала о моём существовании и, для неё мой визит был полнейшей неожиданностью.

В какой-то момент мне кажется, я делаю много лишнего. Жила бы себе спокойно. Нет, мне всё надо больше всех!

Прости, Макс! Может письмо получилось дурацким. В конверте ключ от моей мастерской, там рыбки (корми их раз в день, пожалуйста)! И я оставила инструкцию, как надо чистить аквариум и менять воду. Спасибо, Макс!

P.S. ...я хотела передать тебе ключ, а вышло: написала письмо...»

Я сидел и думал, что у Веры в мастерской никогда не было аквариума. Может она завела перед отъездом. Но зачем заводить рыбок, чтоб потом уехать?!

Я поймал себя на мысли, что я последнее время какой-то брюзжащий, – как дед, аж противно от себя самого. Думаю, это от того, что решил меньше курить, лишний раз себя сдерживая. Вот и сейчас раздражаюсь и в то же время сильно хочу курить.

На часах 10:02, за окном небо затянули тучи и оконное стекло забрызгало редкими каплями дождя. На этот день передавали кратковременный осадки, но глядя на небо, этого нельзя было сказать. У Тасу время тихого часа, – скрутившись калачом, она мирно спит на диване. Я не выдержал, ушёл на балкон и, закурил. Мне стало легче. Думая о том, что мне написала Вера, я смотрел на подвижное небо. Ветер, словно перегонял куда-то серую вату, движение настолько было быстрым, что создавалось впечатление пробегающего мимо перрона поезда, в котором сижу я, медленно потягивая сигарету, развалившись в кресле комфортабельного вагона.

Если Вера так сильно хотела быть со мной, почему не сказала прямо? Измеряя свои чувства по неведомой шкале, могу сказать, что не чувствую к Вере ничего кроме дружбы. Один раз у нас с ней случилась ночь... это да... согрешил. Наверное, и повод появился...

Однажды она у меня вызвала сексуальное влечение к ней, но на тот момент она по-особому выглядела. Смотрела по-другому, говорила не так, как всегда. Но коснувшись её, я боялся испортить дружбу. Хотя кому нужна дружба между мужчиной и женщиной? Я и сам не думал, что со мной такое может происходить. Но это было. Мы тогда находились у неё в мастерской. Купили бутылку «Бордо» и пошли смотреть её картины. Я сидел на диване и покачивал в руке бокал. Вера сидела в кресле, поджав под себя ноги, её длинная юбка стекала на пол. Она мне рассказывала, как встречалась с одним художником-импрессионистом или она была у него на мастер-классе, я не помню, – мой рассудок, тогда был затуманен её необычной на тот момент энергией. Вот тогда-то меня она и возбудила. Мне хотелось скорее встать, подойти к ней, взять её на руки, отнести на диван и целовать везде, где допустимо и недопустимо! Я смотрел, как она двигала губами, и представлял их на своём члене. Её длинная юбка вызвала у меня бурю эмоций, потому что была полна загадки, мне хотелось утонуть в ней без остатка всеми частями тела. Я ощутил тогда безумный голод, который подкатывал к груди, растекался по всему телу дрожью и готов был выплеснуться внизу живота. Я сделал глоток вина, поставил бокал на пол, встал с дивана, подошёл к Вере. Молча взял её бокал, поставил на стол. Она перестала рассказывать свою историю, смотрела на меня не обыкновенными глазами, которые стали большими, я увидел, как вздымается её грудь от переживания, встал перед ней на колени и стал жадно её целовать. Почувствовал, как она поначалу растерялась, а потом обхватила меня своими ручками. Её пальцы вдавливались в мою голову, потом спину, плечи. Я подхватил её на руки и, как того хотел, положил на диван и стал целовать каждый уголок её тела. Снял всё с неё, с себя. Когда в неё входил, она уже была близка к вершине оргазма, а я искал в себе силы, что бы он продлился, как можно дольше. Пролетела незаметно ночь, под утро мы уснули. Проснулись, где-то к обеду. Молчали. Друг на друга не решаясь смотреть, сходили в душ, в тишине попили кофе и разъехались.

Не виделись мы тогда недели две. Я не решался позвонить, ходил на работу, приходил домой, включал телевизор, курил прямо в комнате и, не переставая, думал: что это было? И от того насколько это было хорошо не мог успокоиться.

Сотовый звонил, но, ни разу не звонила Вера. Да, скорей всего должен был позвонить я. Но, как обычно – это мог бы быть звонок другу, но – не мог. Потому, что прежнего друга уже не было. Была Вера, с которой был сумасшедший секс всю ночь. Которая не выходила из моей головы, – и по инерции я продолжал с ней что-то делать в своих мыслях, вновь возбуждаясь, и снова укоряя себя за то, что перешагнул ту грань, которую нарушать было нельзя.

«Теперь у меня совершенно нет друзей!» – подумал тогда я и раздался звонок сотового.

На экране: «Вера». Моё сердце заколотилось в попытке пробить грудную клетку и выско-
чить наружу.

– Макс, я скучаю по тебе. Наверное, хватит нам отсиживаться и прятаться друг от друга.
Пошли в кафе?

– Я спущусь через пятнадцать минут.

– Приходи скорее!

Я не мог успокоиться. С минуту, не зная за что схватиться, мечась по квартире подобно
зверю в клетке, я выбежал из неё и помчался по скверу к кафе, стараясь не попасть на глаза
Вере. Мне хотелось ждать её первым. Но в кафе встретила меня она. Та – прежняя Вера... Мы
больше не вспоминали тот случай.

И вопросы о том, чего мы ждём друг от друга, – как задавали часто раньше, теперь
не задавали никогда.

Может и Вера, вот так, как я, вспомнила тот случай, а может она и никогда не забудет его.

глава восьмая: «рыбки в аквариуме»

I

На часах было одиннадцать, когда я вышел из парадной своего дома, и отправился пешком в старый квартал.

Люблю бродить по этим местам, – мне сразу хочется рисовать. Две улочки здесь мощёные старым булыжником, чтоб оставить подобно памятнику былым временам. Старый квартал – это след истории на нашем городе. Сам по себе он является памятником. Хорошо, что его берегут и постоянно стараются поддерживать порядок. А когда делают ремонт домов, не портят, ничего не выдумывают. Его дома строились ещё в середине семнадцатого века, там важен, мне кажется, каждый камешек, каждый квадратный сантиметр штукатурки. В основном здесь дороги и тротуары давно покрыли асфальтом, но бордюры постарались сохранить старые, не знаю, как они это делали, но ничего не испортили. Два сквера, которые заросли старыми деревьями, имели в наличии четыре легендарных дуба. Эти дубы, чтоб обхватить нужно человек восемь. Никто не знает, сколько им лет, растут и растут. Я слышал однажды, как спорили две женщины, – одна говорила, что их давно следовало бы убрать, мол, только место занимают, а вторая напротив, осуждала её за бездушие. И я с ней соглашусь, ведь в этих дубах заложен характер и мне кажется, именно благодаря им квартал жив, – ведь там не иначе, как обитают духи, хранящие историю квартала. Здесь жили художники, поэты, писатели, музыканты, артисты малого театра. Продолжает работать театр кукол. Домов высоких нет, максимум в три этажа. Чаще двухэтажные и одноэтажные с глубокими подвальными помещениями. Остался даже погреб для хранения вин, – единственный из многих, что были в нашем городе. Рядом построили пивоварню (на удивление пиво варят вкусное).

В одном из этих старинных домов находилась мастерская Веры.

Чтоб подняться к её квартире, я прошёл по округлым лестничным маршам, их деревянные ступеньки иногда поскрипывали, а перила натёрлись руками до блеска. В трёхэтажных домах имеется лифт, окружённый кованой решёткой, которую ты должен сам открывать и закрывать. Процесс долгий, поэтому даже старики пользуются лестничным маршем. На подоконниках стоят горшки с цветами, на полу стоят большие вазоны с деревьями, некоторые разрастаются и немного мешают проходить (говорят, их подрезают).

Дверь в мастерскую поставили новую, но простую и замок был самый обыкновенный. Я вставил ключ, провернул два раз, открыл и вошёл в квартиру. Пахло красками и свежим воздухом, – в квартире было открыто окно, когда я раскрыл дверь, потянул сквозняк и зазвенели колокольчики, висевшие в коридоре. Я разулся и стал бродить. Просторные четыре комнаты, квадратная прихожая, большая кухня. Ванная с туалетом вместе составляли просторный кафельный тандем.

Повсюду привычно висели картины, а когда я зашёл на кухню, то учуял запах кофе и обратил внимание, что раковина забрызгана водой, а джезва стоит на сушилке для посуды. Взяв её, увидел, что капли воды ещё остались на ней. А отправившись на поиски аквариума, я его не нашёл. И в этот момент подумал, что выходит какая-то ерунда. Тут и думать нечего, – искать бесполезно. – Что здесь происходит? – Ответ себе дать затруднялся...

Я встал и попытался снова найти аквариум, – безрезультатно. Теперь сел в кресло. В голову стали вкрадываться воспоминания. Глядел на диван: «...на нём лежала Вера, я гладил и целовал её руки, шею, грудь, ноги, погрузился ей между ног, оттянув в сторону трусики, затем снял их совсем и аккуратно со всем чувством под её стон вошёл в неё». Я же себе пообещал, что не буду вспоминать тот случай, но поделаться ничем с собой не мог. В моей груди были смешанные чувства, – я очень любил Леру и переживал сильную тягу к ней, и без неё уже не представлял своей жизни, а эти воспоминания о Vere заставляли думать и о ней, – как непросто

о друге. Но эти чувства к Вере мимолётны, потому что всплывают именно тогда, когда я думаю об этом коротком отрывке. Вся остальная наша жизнь состояла из самой обычной дружбы. Прокручивая всё это в голове, я прошёл волну возбуждения и прибыл на «станцию полного спокойствия». Вновь огляделся по сторонам, подумал, что чёрт знает, что выходит и решил покинуть мастерскую Веры.

Я поднялся с кресла, и мои глаза оказались напротив картины. На холсте были написаны рыбки, каких заводят любители аквариумов. Осторожно поворачивая голову, я увидел ещё один холст с рыбками, потом ещё, и ещё. На мгновение я ощутил на спине прохладу, которая затем вошла в моё тело, вызывая голодную дрожь, когда ты не знаешь, чем себя насытить. Картины с рыбками висели повсюду, стояли везде, в рамах, без рам. Прежних картин не было ни одной. Я стоял в замешательстве. Либо Вера таким необычным способом предложила мне посмотреть на её новые картины, либо кто-то из нас сошёл с ума. Я решил попить кофе и пошёл на кухню. Я знал, что, где находится и потому без труда приготовил себе напиток. Заглянул в мини-бар, достал коньяк и подлил его в кофе. Уселся за круглый стол на кухне и, потягивая маленькими глотками, попытался думать. Вдруг увидел на столе лист бумаги, такой сложно было не заметить, но я, почему-то, не обратил на него сразу внимания. Взял в руки и решил, что коньяка в кофе будет мало, по такому поводу надо налить целый бокал, – лист был заполнен инструкцией по уходу за аквариумом.

II

В течение всей недели я ходил в мастерскую, чтобы «ухаживать за аквариумом». В инструкции было написано, что корм для рыбок находится на кухне в пустом ящике, там же можно найти и инструменты для уборки. Всю неделю, приходя в мастерскую, я варил себе кофе, усаживался в кресло, и думал, как разгадать эту загадку. Что хотела Вера всем этим сказать? Ящик-то я обнаружил пустым, – его найти проблемы не составляло, он оказался единственным пустым ящиком. О каких инструментах шла речь? – ведь ни единого инструмента, да и корма в нём не было. На самом деле чертовщина какая-то! Я стал думать о том, что я совершенно не знаю Веру.

Очередной день, просидев три часа кряду на кухне и не придя ни к какому выводу, я пошёл и улёгся на диван. Разглядывая картины, я всматривался в рыб, которые плавали вокруг меня. Их рты медленно открывались, – я понимал, что они глотают воду и пропускают её через жабры, поглощая ими кислород, но сам думал, что они пытаются мне что-то сказать. Я стал очень маленьким, а рыбы стали непередаваемо большими. Мне казалось, что они меня сейчас проглотят. Но они, подплывая ко мне, прямо в лицо пытались говорить, а я чувствовал только запах тины, застоявшейся воды и чего-то ещё, – но я не мог понять. Неожиданно у рыб появились лица, я видел их отдалёнными, но, когда они стали снова подплывать, я стал их различать. Первая рыба подплыла с лицом Леры, я её не слышал, но понимал, что она мне давала советы по поводу моей работы. Вторая рыба с лицом Николая, рассказывала моим мыслям свою историю. Третьим лицом была Вера, и она таким же образом говорила мне то, чего я разобрать не мог, что-то похожее на анаграммы, потом, что-то о затерявшейся дружбе, а сравнивая её с Лерой, различий я не находил, лишь знал, кто есть кто. Четвёртым лицом была, какая-то женщина, но её я услышать не мог. Хотя она пыталась, что-то говорить, будто возмущаясь на всех, кого-то она мне напоминала. Я ощутил себя турбиной для очистки воды и одновременно компрессором для подачи кислорода в аквариум. Чувствовал, как во мне всё урчит, поднимаясь из меня пузырьками.

Я открыл глаза и понял, что провалился в сон, а в желудке бурлит кофе и со рта потекла слюна. Я быстро вытер рот и подскочил с дивана. «Блин, с этим надо что-то делать..!»

По окнам опять забил дождь, а я не взял с собой зонт. Идти далековато, но погода была не угрожающая. Возможно, и передавали на сегодня осадки, только я не поставил себя в извест-

ность. Посмотрел на часы, скоро с работы придёт Лера, надо домой и мне. Чувствую, мне трудно понимать происходящее.

глава девятая: грани счастья

Не дожидаясь, когда прекратит лить дождь, я поспешил домой. Вызвав такси, спустился вниз, прыгнул в машину. Водителя попросил, чтоб не торопился, я заплачу двойную сумму. Мне хотелось насладиться мокрой дорогой. Водитель посмотрел на меня с удивлением, ему не хватало только покрутить пальцем у виска.

Я рассматривал дома, всматривался в прохожих бегущих мимо, кто-то шёл спокойно, кому-то явно хотелось быстрее попасть домой. Я позвонил Лере, она ещё была на работе, и сказал, что за ней приеду.

Таксист всю дорогу молчал. А Лера мне рассказывала, что произошло с ней на работе. Я её старался слушать внимательно, хотелось переключить свои мысли.

Возле подъезда я понял, что забыл ключи в мастерской, обыскав все карманы, – при мне был только ключ от мастерской. Каким образом это могло произойти? Может я их потерял? Или выпали в такси? У меня, конечно, есть запасной комплект ключей, но хотелось бы найти и прежний. Лера достала свои, и мы зашли домой. Тасу, как всегда, кричала под дверью, повиснув на ней когтями.

В моей жизни всегда всё происходило самым простым образом, – просто родился, просто вырос, просто поступил в школу и закончил её, так же просто дело обстояло с университетом. Что хочу этим сказать: «ничего сверхъестественного в моей жизни не происходило». И счастья мне в принципе хватало. Единственное, что мне всегда было нужно – это заниматься чем-то интересным для себя. И неважно, сколько денег это будет приносить, и сколько времени на это будет тратиться. Наверное, это единственная нехватка в составлении моего счастья. Родители, особенно бабушка, мне твердили всегда, что я должен получить образование вне всяких своих желаний. Может это мне и помогло в накоплении тех денег, которые я сейчас имею, но дальше отдавать дань, отламывая по кускам душу, мне не хотелось.

С того дня, как мне неделю назад звонил отец я не перезванивал ему. Ещё пару раз звонил на недели. Я знаю, о чём он хочет со мной поговорить, но я пока не настроен на этот разговор. Я должен, чувствовать угрызение совести, а его нет. Может я слишком повзрослел, а может, обнаглел – не интересуюсь жизнью своих родителей. «Всё-таки завтра позвоню,» – думал я, лежа в кровати. Прижавшись ко мне, спала Лера, а я ещё даже не познакомил её со своими родителями. Но также равно и я не знал её родни.

Проснувшись утром, я долго в кровати валяться не стал, сходил в душ, сварил кофе, взял книгу, которую, как-то нашёл в лавке старых вещей, – обычно люди туда сдают по разной причине – кто-то просто избавляется от лишнего, на их счёт, хлама. На часах шесть утра и Лера ещё спит. Я люблю время утренней тишины, когда воздух не потревожен суетой дня. В открытое окно влетает свежий воздух, принося запах листвы, дерева и травы. На четырнадцатый этаж редко залетали такие запахи. Чаще – это запах котлет, рыбы, жареного лука и каких-то старых духов, напоминавших труп, забрызганный освежителем воздуха. Тогда хочется, как можно скорей закрыть окно, чтоб вонюю не пропиталась квартира. Сейчас же, такое чувство, словно ветер приносит запах из рая. У меня появилось желание поселиться в своём доме, посадить сад, построить беседку, в которой будет приятно попить чаю, почитать, соорудить свою баню. И я открыл блокнот, где записывал грани своего счастья. Это единственное, что я писал, – однажды я побывал на одном семинаре по лидерству (мой отец этого жутко не любит). Всё, что я там услышал, было полной чушью (и с отцом полностью соглашусь), но одно мне понравилось, не то, чтобы я был в восторге, рассказали, как надо вести дневник своих желаний. Я же говорю: не то, чтобы в восторге, – я вспомнил об этом случайно – когда я жил с родителями, и мне сильно захотелось собственную квартиру. Тогда-то мне пришло в голову: «Все

ваши желания прописывайте. Заведите себе некий дневник, в который вы будете записывать всё, что хотите для своей жизни...» – ну, на этом повтора лекции достаточно, не знаю, как я выдержал четыре часа этого «сектантского прессинга». Его тогда нужно было посетить обязательно, в университет приезжали тренеры по бизнесу. Я, думал, что с их приездом моя жизнь прерывается, но я стойко выдержал, и остался жив. Вот я и вспомнил, и достал из стола чистый блокнот и записал такое себе желание: «Хочу свою квартиру!». Захлопнул, и закинул обратно в стол. А вспомнил я его после того, спустя семь лет, когда уже жил в своей квартире. У меня стояли запакованные коробки, и я решил их, наконец, разобрать. Вот и наткнулся на этот блокнот. Открыл его и увидел запись. Это, наверное, единственное, что было сверхъестественным в моей жизни. Там я стал писать не только свои желания, но и особенные моменты моей жизни, когда я чувствовал себя счастливым. Так я и назвал этот блокнот: «границы счастья», но подписывать не стал, не знаю почему. Понимаю, всё это звучит, как девичья забава..., но я зачем-то себя этим увлёл.

Я сделал пометку о «своём доме» и стал перечитывать, начиная с последних записей. Здесь записано утро с Лерой. Как мы с ней познакомились – это я тоже отнесу к сверхъестественному. Также здесь записаны некоторые походы в кафе с Верой, – я помню, как записывал наше с ней знакомство. Пролистав ни так много страниц, я наткнулся на запись, где говорилось, как мне Вера показывала фотоальбом, но я не помню, чтоб она рассказывала мне историю, хоть чем-то напоминавшую историю на видео. Меня распирало желание спросить Леру обо всём, – вдруг она что-то знает. Не думал я, что она вот так просто прожила, считая себя родной сестрой Веры. А фотоальбом, насколько я помню, хранился у Веры в мастерской.

Приготовив бутерброды с помидорами, огурцами, пармезаном и оливками на соусе из майонеза и горчицы, – мы позавтракали. Лера оделась в платье, которого я раньше у неё не видел, но она сказала, что оно было, просто давно не надевала, подушилась духами с запахом ванили, поместила свой тридцать пятый в туфли с пятнадцатисантиметровыми шпильками, поцеловала меня и убежала на работу. Я стоял прибитый на месте и возбуждённый.

Глава десятая: Фотоальбом

Я, долго не засиживаясь дома, отыскав запасной комплект ключей, натянул на себя джинсы, футболку и привычные для меня туфли, помчался в старый квартал на поиски фотоальбома. Вера мне его года три назад показывала. Возможно, его давно в мастерской нет. Но я надеялся его там найти.

Войдя, я первым делом отыскал ключи, – они лежали на диване – когда я уснул, выпали. Затем осмотрелся вокруг, вспоминая, куда Вера прятала альбом, и решил обыскать всё. Старый шкаф, сервант, книжные полки – нигде его не было. Надо быть Верой, чтобы знать, где лежат фотографии. Но я не Вера. И поэтому сел на диван и стал думать. Думать долго не пришлось. Я заметил целую кипу книг, – они были сложены на подоконнике за занавеской, отодвинув которую, я присмотрелся повнимательнее, увидел, что первая книга неизвестного мне писателя, да это и неважно. Удивило другое, на книге совсем не было пыли. Не обращая внимания на то, что написано на книгах, я перебрал всю стопку, в основании которой и лежал заветный фотоальбом, – я его помнил, особого интереса у меня тогда к этим фотографиям не было – нет у меня большого интереса, рассматривать чужие лица.

Усевшись на диван, положив на колени альбом, открыл на первой странице. Стал всматриваться в лица на трёх фото. Ни одного знакомого, ни малейшего намёка. Листал дальше, пытался вспомнить экскурс Веры, но тщетно. Следующие страницы производили то же самое впечатление, то есть – никакое. Я продолжал всматриваться, старался задержаться на каждой фотографии. Я помнил только, как она рассказывала мне о семье, где она, получается, росла, но лица мне не знакомы. Я только узнал родителей потому, что видел их на видео. И ещё – открыв на очередной странице, я увидел знакомое лицо, нет, я его нигде не видел, я помню из Вериного рассказа о дяде, страдающего шизофренией. Это была групповая фотография, на ней были запечатлены пять человек – трое ребят и две девушки. Карточка довольно старая. Я попробовал вытащить её из скоб, она немного залипла от времени, но скоро поддалась. С обратной стороны было написано: *На фото: Степан, Гришка, Николай, Анна и Лида. Сентябрь, 1968 год.* Рассмотрев ещё раз каждого, я невесть, с какой попытки узнал Николая. Он здесь был молодой с шевелюрой на голове. А Вера мне рассказывала, получается, про Гришку, если руководствоваться последовательностью написанного в соответствии расположения лиц на фото. Я решил ещё чуть-чуть исследовать альбом. И открыл там, где запечатлены родители, теперь уже, как понимаю Лерины. Хотя пока ничего не понятно. Нужно было сходить к Николаю. С Лерой сейчас никакого разговора быть не может.

глава одиннадцатая: рассказ о судьбе: продолжение

Взяв с собой фотографию, я позвонил Николаю и договорился о встрече.

Николай был, какой-то сонный, когда поднял трубку. Но на мою заинтересованность в его рассказе он отреагировал достаточно ободрившись.

– Конечно, приезжайте, Макс! Я буду рад вас видеть!

Как и в прошлый раз, я приехал на такси, а Николай встречал меня у ворот.

В этот раз мы сидели в беседке, я этому был весьма рад. Николай, не уклоняясь от традиции, накрыл стол по чайному.

– Вы помните, на чём я остановился? – Спросил Николай и, прищурившись, посмотрел мне в лицо.

– Да, я помню! Ваш брат женился, у него родились две девочки, и он бросил академию... – но мне на данный момент было интересно не это.

– Правильно... – начал Николай, но я его прервал, достав фотографию.

– Что это? – Спросил Николай, надевая очки.

– Я хотел бы, чтоб вы мне, если можно, рассказали об этом фото.

– Позвольте? – Он взял снимок в руку и внимательно в него всмотрелся. Задумался. Затем задал вопрос: – А откуда у вас это фото?

– Из фотоальбома друга. Вера её зовут.

– Но я не знаю никакой Веры..! – Задумавшись, констатировал Николай. – А про этих людей рассказать могу. – Потом он посмотрел на меня, и сказал, будто заключая сделку: – А вы мне об этой Вере. В моей жизни всё очень сильно перевернулось... Понимаете, Макс? – Я покачал головой, а он начал рассказ, потрусив фотографией.

Я ничего не говорил о том, что знаю, – мне хотелось сверить истории.

Подобно, как луна светит и кидает своё отражение в тихо лежащие на дороге лужи, так жизнь человека оставляет память в сердцах людей встречающихся на его пути. Но бывает, дуют ветры и по лужам бежит рябь или их засыпает мусором, листьями. А ещё хуже – высыхает лужа, как и память, становится зыбкой, сыпучей, подобно песку. И как бы ты не старался нести, со временем мало чего останется.

– Начну слева направо, – Николай провёл в соответствующем направлении по фотографии. Затем перевернул её и всмотрелся, словно пытаюсь удостовериться в своей памяти.

– Стёпка – наш младший брат! Дядь Митя – его отец. Как бы это печально не звучало, но этот снимок наша с ним последняя встреча. Последняя фотография. – Николай остановился, задумался и резко отчеканил: – Сейчас я приду. – И убежал в дом. Вернулся с не большим альбомом. Положил на стол, раскрыл, точно уже зная, где. Посредине страницы была фотография точь-в-точь, как та, что я принёс от Веры. – Понимаете, почему важно теперь мне знать, кто такая Вера?

– Я понимаю. – Согласился я. – Но я тоже многого о её семье не знаю. – Я пожал плечами. – Лишь вкратце...

Я рассказал Николаю несколько фрагментов из рассказа Веры. Я вообще не хотел сразу всё выдавать, надо было сравнить истории. Но я и так не думал в тот момент, что истории их будут как-то схожи. Николай будет рассказывать то, что было с ним когда-то, – он далёк от жизни Веры. Тогда в кафе, мы долго сидели, но они были друг другу абсолютно чужими. Я не знаю, куда она на самом деле поехала. Почему письмо от неё без обратного адреса? Знает ли что-то Лера? По виду Леры не скажешь, что она в курсе событий или умело, делает вид. За Леру я пока ничего не стал говорить Николаю.

– Как зовут Вериных родителей, вы тоже не знаете?

– Нет! А почему вы говорите, что эта фотография последняя?

– Стёпка утонул в реке. Они с другом пошли пасти коров и решили искупаться. Они постоянно ходили пасти к реке, всё всегда было в порядке. Там был ещё один мальчишка. Он и побежал звать помощь, пока друг пытался его найти под водой. Но всё было тщетно. Целую неделю пытались его найти. Мать проплакала себе всю душу, дядь Митя почернел, на нём лица не было. Он сам потом ходил на речку, пытаясь найти сына. И вот однажды он нырнул под самым тем местом, где ребята купались, и достал Стёпку. Брату тогда исполнилось двенадцать лет. Всё его тело было поедено раками и рыбами, – когда хоронили, лицо держали закрытым.

– А ещё дети у них были?

– Спустя два года после смерти Стёпки, родилась девочка. Мать тайком снесла её в церковь и крестила. – Николай задумался, потом продолжил: – Нас никого не крестили, сложно тогда с этим было, да и потом сложно было, но мама решила эту грань переступить. Говорила: «Оленьку я за всех окрестила...» – так, конечно, в церкви не делается, но мать поверила, что крестинами Ольги она благословит всех своих детей, то есть нас. Заболела она сильно после гибели Стёпки.

Я взглянул на фотографию.

– А где она сейчас? – Спросил я и заглянул в, будто потерянные глаза Николая. Но он долго молчал.

– Я не знаю. Я давно не видел многих. Что там многих?! Всех!

Я решил в военное училище поступать. Хотелось стать офицером. Хотелось гордо носить звание, – я был молод и, как сейчас принято говорить, был амбициозен. И я поступил в одно из училищ недалеко от дома, – пятьсот километров, это не за горами. Отучившись, был отправлен на Дальний Восток, – к местам так сказать родным. Вот, – думаю, – и начались гарнизоны. Только места родными сильно, не оказались. Я заскучал за семьёй. Писал письма маме, а в ответ мне писали все по чуть-чуть. Когда выпадало время отпуска, я сразу ехал домой. очередной раз я отправил письмо и ждал ответ, но его всё не было. Расстояние далёкое и письма идут по полтора месяца, а тут прошло три с половиной и, я отправил телеграмму, чтоб долго не ждать, снова. Теперь ответ пришёл, также – в виде телеграммы: *Прости, Николай! Мама умерла четыре месяца назад! Все были заняты! Ольга.* Меня это сильно расстроило. Я просил отпуск, но мне отказали, – мол, на носу учения, даже те, кто должны идти в отпуск, задерживаются. Я разозлился на родных. Они со мной поступили, как с чужим человеком. Я им потом писал не раз, но ответа, ни одного не получил. Приближался отпуск. Я собрал чемодан и полетел домой. Мне хотелось порвать их на части. Но то, что я увидел, меня ошеломило. Наш дом стоял заколоченный досками. Я стал спрашивать соседей, что произошло, где все делись. Но никто ничего не знал. Сказали, что они, молча, забили дом, развернулись и уехали в неизвестном направлении.

Николай замолчал, налил чай.

– Я, Макс, так никого и не видел. А что дядь Митя? Он тогда выпил сильно..., рассказывали соседи, сел тогда на трактор и помчал, куда глаза глядят, и понесло его на старый мост. Никто по нему даже не ходил. Как ему удалось до середины моста доехать, неизвестно. Но там и рухнул трактор в воду. Глубина реки приличная была. Трактор достать удалось, а вот дядь Митю найти не получилось. Долго искали, всё без толку. Рядом с мамкиной могилой памятник ему поставили, на том вся эта история и закончилась.

– А как вы попали в эти места?

– Была очередная волна расформирования Советской армии. Были предложены варианты, и мы с женой приехали сюда. Я устроился в институт на военную кафедру и на ней трудился.

– А как вы узнали о двоюродном брате?

Николай смутился, но быстро сообразив, ответил:

– Юрка, когда пропал? – Я, соглашаясь, кивнул головой. – Это непросто так случилось! Непросто так для меня, для вас это может не показаться чем-то особенным. Впервые за столько лет я встретил одного знакомого. – Николай постучал пальцем по фотографии. – Вот, кстати, этот человек – Гришка. Я тогда выходил из основного корпуса института, когда меня позвал мужской голос, я раньше его не слышал, хотя отдельные нотки знакомыми показались. Я обернулся и увидел, какого-то мужчину, – тот улыбался во все зубы. С одной стороны он был мне совсем не знаком, но чью-то улыбку я на этом лице увидел. Когда я спросил, знаю ли я его, он мне сразу же сказал: «Коля, ну ты, что, Гришку не узнал?!» – я прикрыл глаза, стараясь поднять из памяти образ и, меня осенило. «Гришка Прохоров! Точно?» – я оказался прав. Мы с ним долго общались. Гришка после того, как дом наш опустел, уехал в Ленинград, – устроился на завод, где Юра трудился. Так вышло, что они подружились. Иногда он виделся с Лёней. Куда уехали девочки он не знал. Три сестры пропали, – уехали в неизвестном направлении. Прожив несколько лет в Ленинграде, Юра уехал к матери в Благовещенск. Его мать сильно заболела, и он два месяца просидел у её кровати. А когда тётка Нина скончалась, Юра не стал возвращаться в Ленинград, устроился на железную дорогу. Юра написал Гришке, чтоб он приезжал строить БАМ. Гришка с предложением к Лёне. Лёня отказался, а Гришка поехал.

Потом Юра решил на старости лет ещё денег заработать. Наслушался, что можно в Грецию на виноградники поехать – и уехал. Ни слуху, ни духу от него.

– Может он там жить остался? Такое ведь бывает! – Вставил я.

– Может быть. Хорошо если так.

– А дети? Вы говорите, что у них две дочки остались в Благовещенске.

– Дочки повзрослели, вышли замуж, родили детей...

Николай продолжал рассказывать, а я понимал, что всё, что он говорит, мне кажется каким-то бесполезным. Мне казалось, я впустую трачу время. Но уважить старика своим вниманием надо было. Он долго ещё мучил мои уши рассказом о Гришке. Я делал вид, что мне интересно. Никаких связей я пока не наблюдал.

– А кто такие, – я посмотрел на фото с обратной стороны и продолжил: – Анна и Лида?

– Анна – это моя сестра. А Лида – её подруга. Семья Лиды, как я слышал, осевшие цыгане.

– Кому из них ещё могла принадлежать такая фотография?

– А сколько человек, столько фотокарточек. – Отрезал Николай. – Макс, что вы пытаетесь выяснить. – Николай, как мне показалось, немного раздражился.

– Не подумайте ничего лишнего, Николай, я пытаюсь понять жизнь одного человека и постараться помочь.

Николай смотрел на меня, прищурился.

– Хорошо! Лида была влюблена в Гришку, но он не обращал на неё внимания. Так они и разъехались. – Потом снова посмотрел на меня уже другим взглядом. – Вы простите меня, Макс! Я может слишком резок. Не знаю, что на меня нашло. Мне тоже интересно, кто такая Вера. Эти люди здесь, где-то живут? Вы знаете, где?

– Я не знаю. – Я на самом деле не знал, где живут Лерины родители. Лера, как-то уже заговорила о знакомстве с ними, но это такой был неоднозначный разговор, что мы ему не передали высокого значения. И Вера никогда не приводила меня к своей тётке. Оно и не нужно было. – Николай, вы говорите, у вас в роду были художники. У Веры тоже был знаменитый дед. Ей тоже достался от него талант. Как вы думаете, чьей из этих людей, глядя на фото, она может быть внучкой? – Я сделал паузу. – Может вашей?

Николай же без лишнего трепета и без колебаний ответил немедля.:

– У меня, кто может быть, так только внучатые племянники. Вышло в моей жизни так, что детей мне бог не дал.

– Простите...

– Да ничего страшного. Такое бывает у людей. Жена моя хотела детей и, могла их иметь. Как врачи сказали: проблема во мне. А я не мог этого признать и жене сказал, что если она забеременеет, то я за себя не ручаюсь. Я был взбешён, когда она мне объявила, что так дальше жить не может. Она собрала вещи и решила уйти.

– У неё кто-то был? – Я понял, что это было бестактно, даже заметил ноту негодования во взгляде Николая, но уже было поздно.

– Нет! Думаю, что нет! Ни та она была женщина. Хотя, когда женщиной управляют такие чувства, как желание стать матерью, получить ответную любовь и понимание, и всего этого не видит, то она становится другой. Становится для мужчины чужой, потому, что чужим делается для неё он. Женщина та превращается в существо, которое перестаёт находиться в рамках понимания и выходит из круга вашего доверия. Она создаёт свой – личный круг, в котором есть она, но нет вас. И вы её обратно в свой круг не вернёте, – она не заходит снова в ту же реку, это присуще только мужской сущности. Если вы её даже и вернули каким-то образом, круг её доверия никогда не станет вашим. Вы будете плескаться в своей речке, думая, что ей точно также приятно и она счастлива, но она не намочит даже пальца, – соорудит себе лодку понадёжней и будет плавать вокруг вас. И при первом же вашем проколе погребёт от вас, как можно быстрее и дальше. Скорее всего, со мной так и произошло. Женщина – это кладёзь с секретами, даже если у вас с ней всё очень хорошо. Мы развелись. Я долго не мог поставить подпись. Не знаю, наверно, во мне гордость, что ли, «чёрт его знает», выиграла. Она потом вышла замуж, родила детей, как того хотела, а я так и остался один. Где-то в глубине души я её до сих пор люблю, где-то послал ко всем чертям. В общем, так я один, вот уж лет тридцать, как.

А чьей внучкой может являться ваша Вера, – да чьей угодно! Богу известно, что мне ничего ни о ком неизвестно. Простите за каламбур и за раздражение, Макс. Что-то я разволновался. – Николай достал из кармана пузырёк и проглотил несколько красных шариков. А я подумал, что мне пора. Но был остановлен словами:

– Не торопитесь, Макс, со мной всё в порядке. Просто по-дурацки в моей жизни всё получилось. Как-то остался я ненужным никому, а почему так, понять не могу. Я копался в своей памяти, – может, что-то сделал не так, может кого-то обидел, – не получается вспомнить. И никто не взялся мне объяснить. Я рад был всегда и сам спросить! Но, как, кого найти? Поэтому мне было бы интересно поучаствовать в этом расследовании вместе с вами, Макс.

Я понял, что эта история затянется надолго.

Часть вторая «она»

Глава первая: Необычные знакомства. На кофейной гуще

I

Она сидела в кресле, поджав ноги под себя. По её лицу было видно, что она о чём-то думает. Брови её, то сдвигались у переносицы, то возвращались на свои места, глаза кружились в своих орбитах, то там, то сям исследуя пол, стены, потолок. Кажется, если присмотреться, на голове от мыслей шевелятся волосы, но это только кажется, хотя... Тонкая белая рубашка, каштановые волосы, покрытые красным лаком на руках и ногах ногти. Окно было открыто, и свежий воздух влетал в комнату, создавая прохладу. Лето медленно передаёт права в руки осени. С деревьев сыпается листва, всё чаще льют дожди, небо меняет часто свой характер, – то затянувшись тучами, смывает накопившуюся за лето пыль, то снова старается обсушить выглянувшим ненадолго солнышком и опять щедро поливает водой. В эту пору уже холодно по вечерам, даже если днём бывало совершенно душно. В левой руке девушка держала карандаш с изрядно покусанным ластиком у основания, алюминиевая втулка соединявшая резинку с карандашом, пострадала тоже. На коленках лежал блокнот. В нём она, паузами думая, писала стоящие мысли. Если вдруг её что-то не устраивало, она быстро стирала рядом лежащим большим квадратным ластиком. Снова принималась думать, и снова писать. Бывало в моменты ожидания нужной мысли, она рисовала на полях страниц. В уши были вставлены вакуумные наушники, из них, растекаясь по всему телу, звучала классика. Прохлада касалась обнажённых ног и предплечий, вызывая лёгкую дрожь и мурашки. Она была красивой, – такой она не была никогда, она себя видела совсем другой, меняя свой внутренний мир, менялась и внешне.

* * *

Я искала путь, в котором буду собрана полностью без остатка. Всем вокруг казалось всегда, что я вся здесь, – со странностями, многим непонятными, не вмещающимися в их рассудках, но вот такая, как есть. Я постоянно ждала от жизни какого-то, нет, не подвоха, испытания что ли. В то же время, живя вне всякой обусловленности, и одновременно не искала, и не ждала лёгких путей. Всякий лёгкий путь для меня казался подвохом. Дружила я с кем-то в детстве, но когда выросла, понимала, что интересы моих сверстников заканчиваются весьма примитивными вещами и такими же целями. Поэтому с возрастом круг моего общения практически сомкнулся на мне самой. Я просыпалась одна; ложились спать одна; садилась есть одна; шла в школу, учила уроки, решала, как жить дальше – в том же «количестве народа», – не смотря на то, что жила в полноценной семье, где есть папа, мама. С одной стороны я не создавала никаких проблем, с другой все искали проблему во мне или мне так казалось, как и любому ребёнку, – но с возрастом понимала, что я права. Уже в детстве я хотела жить своей жизнью. Чтоб никто мне не мешал и, я не мешала никому. Я хотела стать художницей, как мой дедушка, а меня запихнули в экономический. Но долго терпеть я этого не стала, бросила, как только появилась возможность жить отдельно. Работать устроилась в типографию, подрабатывала с помощью фотоаппарата, – по субботам фотографировала на свадьбах. Иногда делала фотосессии для желающих «вывернуть себя наизнанку». Родители поначалу были в шоке, а потом свыклись. А я копила деньги, чтоб учиться в Италии живописи. Но никто об этом не знал.

Однажды на лекции я встретила человека, который понял меня с полуслова. С ним было очень легко общаться. Как и мне, ему наш факультет не приносил никакого удовольствия. А если быть точным – стоял поперёк горла весь университет. Но он отдал ему дань, пройдя

до конца, а потом ещё устроился по специальности. Это я узнала, когда мы встретились спустя четыре года после того, как пообщавшись полгода, исчезли с поля зрения друг друга. Нет, мы не ругались, не ссорились, просто так вышло, что пути наши разошлись на какое-то время. Долго мы не знали, как друг друга зовут и вопросом этим не задавались.

Как-то после пар, когда мы снова встретились у центральных ворот университета, я шла со своими однокурсницами. Им стало интересно имя того, кто меня ждал возле ворот – это был он, – я ответила: не знаю. На меня посмотрели шесть пар возмущённых глаз.

– Как так можно? Как вы общаетесь?

– Как-как... молча...

– Как молча..?

– У них, наверное, горячий секс по-тихому... – решила сострить одна. Все засмеялись, как пришибленные, но посмотрели на неё, словно перед ними дура. Оно несомненно так и есть, но речь не о ней.

Конечно же, мы молча не общались. А наоборот, – тем для разговоров хватало, чтоб, как он говорил: «Забить друг другу голову...». А секса у нас не было... (не было тогда). Я смотрела на него, как на очень хорошего, понимающего меня друга, в котором отзывалась моя душа теми её уголками, где так не хватало того, что не опишешь словами. Слова – их бывает, далеко не хватает, а бывает – любые слова лишние, как на тот момент наши имена. Временами я ловила в его взгляде вожеление. Возможно, он хотел меня, но, ни разу не проявил своих желаний физически. Как-то мы с ним сидели очередной раз в кафе, он задал мне вопрос, что я жду от наших отношений.

– Ничего! Мы же друзья. – Говорила я, а саму, что-то тогда заставило усомниться. – А ты? Раз спрашиваешь, то какие-то мысли при себе имеешь? – Спрашивала и не ожидала, что последует ответ. Но...

– Знаешь, для меня разнополой дружбы никогда не существовало. Но с тобой я могу общаться легко. Мне интересно с тобой...

Он сказал тогда много чего по этому поводу, но мне уже было достаточно, чтобы я его захотела, передо мной сидел настоящий мужчина, и сказанное: без всяких кавычек, скобок, и прочей заставляющей сомневаться пунктуации. Только между нами встала, какая-то невидимая стена, непреодолимая. Полгода яркой дружбы между мужчиной и женщиной. Просто дружбы.

Я ушла из университета. Жила в художественной мастерской своего прадеда, писала там свои картины, ходила на работу в типографию, фотографировала по субботам. И каждый день вспоминала парня из университета, но встречи больше не продолжались. Правильно он сказал, – дружбы между мужчиной и женщиной быть не может. Он, конечно, наговорил много интересного и хорошего, но в первом он прав настолько, что так продолжаться дальше не может. И, уйдя из университета, я решила с ним не встречаться. На тему моего прощания с университетом родители пришли в негодование. Я сказала, что жизнь, которую они пытаются построить – моя жизнь. И сколько бы они не старались со мной вести диалог, упирались в одно и то же – в мой не пробиваемый лоб, который выдавал неопровержимую постановку моего на том стоящего Я.

Успокоилась спустя год. Плавая в каком-то непонятном сознании, надоела сама себе.

Сняла квартиру в новостройке. В старом квартале, в мастерской, стала появляться три раза в неделю. К родителям заезжала раз в месяц, они хоть и смирились с кончиной моей учёбы, но если я приезжала чаще, чем раз в месяц, то они вдруг решали устраивать ей поминки, а я, ой, как церемоний не люблю. Поэтому да будет так, как я хочу. (Аминь).

II

Однажды я сидела в кафе в сквере по соседству с домом. Тихо играла музыка, звенел бокалами бармен. Один официант на всё заведение, а оно было не большим – пять столиков

и половина пустые. Шумных компаний в него не заходило, а если кто и решался, то сразу же покидал эту обитель спокойствия. Мне принесли латте и я, открыв книжку, стала потихоньку его потягивать. За соседним столиком, напротив, сидела женщина. Её внешность была яркая. Морковного цвета губы, начёсанная шевелюра, вязаная белая кофта на ярко-красной блузке. Её пальцы были загружены немислимым количеством колец, на ушах висели большие цыганские серьги. Всё остальное скрывалось за дубовым столиком. Но мне стало интересно, и я решила заглянуть под столик. Словно нечаянно уронила салфетку и наклонилась за ней, бросив взгляд на цветастую юбку и старомодные бежевые лодочки, (такое могут сохранить только избранные). Лицо её, выражало грусть и надменность одновременно. Я сразу представила запах её духов. Понимая, что веду себя неадекватно, постаралась снова увлечься чтением. А женщина тем временем увлечённо разглядывала дно чашки, которая зачем-то полежала перевернутой на блюдечке. Меня опять начало мучить любопытство, но я старалась его не выказывать. Но меня заметили. Заметили тогда, когда я медленно поднимала глаза над книжкой, стараясь, опять же незаметно, выглянуть. Женщина смотрела прямо на меня, не скрывая. Длинными ногтями она поглаживала чашку. Я же быстро постаралась спрятаться за книгой, но взгляд её на себе ощущала, – она наверно пыталась меня просверлить этим взглядом. А я, теперь боялась поднять глаза хоть на йоту.

– Я вижу, вы не любите пить чистый кофе! – Я дёрнулась от неожиданности. – Простите! Я напугала вас. Разрешите присесть к вам. – Женщина сделала паузу, но садиться уже начала, не дождавшись моего согласия. – Я много времени не займу.

Я сейчас рассматривала её пристально, и у меня складывалось впечатление холодной, нет, даже остывшей, и продолжавшей остывать личности. Человек, который находился в тот момент передо мной, представлялся мне медленно умирающим. Это были не внешние показатели. Данный представитель погибал, где-то там внутри себя, – может даже местами начал гнить, а местами и задеревенел в утопических слоях своего исторического сознания. Глаза настолько были холодными, что их покрывал необъяснимо толстый слой мороза, который становился всё крепче будто с каждой минутой. Но она старалась показать себя живой. Дальше я заметила наигранную пронизательность, но повела себя максимально приветливо и культурно.

– Вам же было интересно, что я рассматривала в чашке своего кофе? – Сделала очередную паузу. Я молчала, – заговорить не решалась, что-то меня сдерживало от разговора с ней. – Знаете ли это очень интересный напиток. Он скрывает тайны, содержит ответы. ... Надо только правильно к нему отнестись. Написано много книг про это. Я считаю, что книги не нужны, – нужна душа, которая будет им наполняться, а потом в него смотреть, причём без всяких условностей и попыток найти подходящее. У вас сильный взгляд, который может много видеть. Такой взгляд, далеко не у многих, – у художников, но не у всех, у врачей и писателей, но, опять-таки, не у каждого, у ведьм, но не все они зрячи. О простых смертных и говорить не приходится. Моя бабка гадала на рассыпанной по столу пшенице, но редко, – говорила, часто нельзя – всё можешь перемешать и тогда концов не соберёшь. Вы молчите – потому, что умны. А я болтаю – потому, что старая.

И я заметила, насколько обветшало её лицо. Она только со стороны казалась не такой ветхой. Внутри она была, чуть ли ни древней...!

Я заказала кофе и, мне принесли. Я всё ещё молчала, а она говорила.

– Моя бабка казалась, что неважно, во что человек смотрит, важно, то, что он видит. Но не всё человеку скажет правду, поэтому не всё людям стоит открывать – навредить можно. Верующих мало, впечатлительных много. Верит человек в хорошее, ожидает плохого. Хочешь сделать хорошо – говори только хорошее, плохое – говори соответственно, а если хочешь сделать, как можно лучше – промолчи.

А я себе думала: «Есть ли разница в том, когда человек живёт один в старости и в молодости? И, что такое одиночество?»

Мои мысли словно пересекались с её речью или так выходило по чистой случайности, – я много думаю, она много говорит и накладывается одно на другое.

– Есть, – говорила она, – разница между самостоятельностью и одиночеством. Первое присуще молодости, а второе старости.

– Каким образом? – Неожиданно для себя я выпустила на свободу мысль, и вопрос осенил пространство, в котором мы находились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.